

ЛЮДИ

АЛЕКСЕЙ ФИЛАТОВ

Невойна

Алексей Филатов

неВойна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68403826

SelfPub; 2022

Аннотация

Роман Алексея Филатова «неВойна» повествует о работе подразделения антитеррора «Альфа». В его основу легли события первой и второй чеченских кампаний, а также операции по освобождению заложников в 1995 году в Буденновске и в 2002 году в Москве. Книга содержит множество исторических фактов и малоизвестных подробностей описываемых событий и адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

122

Алексей Филатов

неВойна

От автора

Эта книга, как и три предыдущие¹, – в первую очередь о людях. О необычных людях в необычных обстоятельствах. Впрочем, для моих героев необычно как раз то, что о них – офицерах одного из самых закрытых подразделений в России – пишут книги. А суровый быт, изматывающие тренировки, командировки «на войну» и постоянный, осязаемый риск – это обычная работа. Работа, которой они отдают лучшие годы жизни. И которая делает эти годы лучшими.

Я знаю это по себе. Когда-то и у меня была мечта – служить в «Альфе», и я добился своего, попал в подразделение. Каждый, кто оказывается здесь, признается: такого общения и такой дружбы трудно найти в обычной жизни. И дело даже не в профессии. Просто в «Альфу» попадают люди особого сорта. Мужики. Те, с кем не страшно и в разведку, и в бой, и на смерть. Но все мы разные: у каждого свой темперамент, свой характер, свои пристрастия. И свой путь, который он прошел, чтобы попасть в братство «людей А».

Эту книгу я посвятил молодым офицерам, пришедшим в подразделение в разгар чеченских войн и оказавшимся в первых рядах борцов с захлестнувшей Россию волной тер-

рора в конце девяностых – начале двухтысячных. Это было нелегкое время, которое ломало одних и закаляло других. Благодаря им – преемникам ветеранов первых наборов – и сохранился дух Группы, ее неписанный кодекс чести, который передается из поколения в поколение.

В этой книге я изменил имена наших сотрудников, и тому есть несколько причин. Во-первых, многие из них и по сей день занимают ответственные посты и являются людьми непубличными. Во-вторых, есть вещи, которыми можно поделиться в дружеской беседе, но упаси бог вынести их за порог! Наконец, некоторые из персонажей стали собирательными, хоть и остались узнаваемы для своих прототипов. Таким образом мой рассказ получился более откровенным и занимательным, но при этом не потерял в документальности, поскольку, хотя всех героев и следует считать вымышленными, все события, напротив, вполне реальны.

ПРОЛОГ

В Госпитале для ветеранов войн № 1 было тихо. Палаты опустели еще накануне, и ночная смена, впервые оставшись без работы, кемарила на постах и в ординаторских. В начале пятого тишину нарушили тяжелые шаги. В коридоре показался человек в камуфляже. Эхо от берцев, отражаясь от стен, билось, как кровь в висках, – тум-тум-тум... Дежурная на посту вздрогнула и проснулась. Военный быстро прошел мимо нее и свернул в туалет.

Холодный свет люминесцентных ламп резко очертил его

лицо: зеленые глаза, конопатые щеки, вздернутый нос, узкие губы. На вид парню было около тридцати.

Прикрыв за собой дверь, он опустился на колени, перекрестился и, прикрыв глаза, зашептал слова молитвы. «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя... Господи, пронеси эту чашу мимо меня. Господи, спаси и сохрани».

Его звали Сергей Шутов. Ему было тридцать два. И он служил в Управлении «А».

Пять минут назад он узнал, что сегодня должен умереть. Возможно, погибнут они все. Но он – первый по расчету в штурмовой группе – почти наверняка.

За годы службы в «Альфе» он привык к близкому присутствию смерти. В Чечне она подстерегала на каждом шагу – в густой зеленке, на пыльной обочине, в заброшенном сарае на окраине села. Он не думал о том, что может погибнуть. В бою об этом думать некогда, а после боя – глупо. Но для себя он твердо решил, что если придется, пойдет до конца. И когда однажды ночью он тащил раненого товарища, а чехи² рыскали в паре десятков метров от них, он был готов взорвать себя, лишь бы не попасть в плен. Плен хуже смерти. Это он знал наверняка.

Но на этот раз шансов почти не было. Террористы их ждали и готовились к штурму. Поэтому, когда командир, разлив водку по стаканам, со странной улыбкой произнес: «Привет,

покойнички!» – он не удивился. И выпил водку как воду. Он вышел из палаты, где они подгоняли экипировку перед штурмом, и пошел по коридору. Ему нужно было побыть одному.

Его лоб лежал на холодном кафеле. От кафеля сильно тянуло хлоркой. В тишине больничного туалета было слышно, как подтекает кран. Вода капала как часы, раз в две секунды. Нарезала время на ровные куски. Накапало, наверное, с полстакана, прежде чем Сергей поднялся, подошел к раковине и затянул кран. Затянул до упора, но капать не перестало. Взялся за второй и тут же осекся: «Нашел время кранами заниматься!» В этот момент он увидел себя в зеркале. Мокрое лицо блестело, опухшие глаза смотрели, не мигая. Пальцы впились в раковину.

Из зеркала на него глядел покойник. И Сергей ему улыбнулся.

Он вытер глаза и лоб рукавом и прикоснулся к карману, где лежала фотография деда.

– Дед, ты меня слышишь? Знаю, что слышишь. Сегодня я постараюсь сделать все как надо. Чтобы тебе не было за меня стыдно. Я не подведу тебя, дедушка. Прости меня, если что не так.

ДЕД

– Сережка, ты кроликов покормил?

– Да, дедушка, покормил. А в клетке, где Машка с крольчатами живет, один крольчонок, серенький такой, выскочил

из гнезда, по клетке туда-сюда, меня увидел – испугался, уши прижал – и шастать обратно. Смешной такой.

– Ты туда не лазай пока. Я тебе говорил: мать чужой запах учует – может не принять. Пойди курам насыпь, что тут осталось.

– Хорошо, деда. А потом на остров, с ребятами, ладно?

– Добро. Чтоб к ужину как штык!

Остров был Сережикным любимым местом отдыха. Тут да не забредали коровы, не приезжали на пикники шумные компании. Там можно было загорать на берегу, прятаться в кустах или играть в Чапая, закидывая наступающих белогвардейцев комьями ила.

Раньше родители брали Сережу с собой к Черному морю. Он с нетерпением ждал этого путешествия. Жизнь на море была волшебной сказкой. Скалы превращались в корабли, уступ на берегу – в капитанский мостик, полотенце – в парус. Его игрушечные солдатики штурмовали бастионы, опускались под воду и взбирались на холмы. Днем, когда Сереже полагалось спать на прохладной террасе, которую они снимали, он тайком читал книжки про приключения, которые они с отцом выбирали в местной библиотеке. На обложках мелькали Фенимор Купер, Александр Беляев, Джек Лондон, Александр Грин... Он хотел быть похожим сразу на всех его любимых героев и захлеб пересказывал отцу самые яркие сюжеты.

А в этом году мама сказала, что они не смогут поехать на

море, и его отправили на все лето к бабушке с бабушкой. Они жили на окраине Майкопа, что считалась уже деревней. Сережа и раньше приезжал сюда. Дом был на четыре семьи; это жилье дали бабушке, когда он еще служил. В бревенчатой избе с огромной печкой было уютно. Пахло то блинами, то пирогами, то хлебом, который по праздникам бабушка пекла сама. Из окна открывался вид на горы, а не на соседнюю панельную девятиэтажку, как в их городской квартире. Тут даже воздух был другой. А запахи! Ни с чем не сравнимый запах дров, пряный аромат сушеных трав, теплый запах хлеба. Даже ржаная буханка из магазина тут казалась вкуснее.

Потом в деревню провели газ, на кухне поставили АГВ³, по комнатам протянули трубы, а дед с отцом соорудили пристройку и установили туда ванную – верх роскоши в этих краях.

По утрам за окном кричали петухи, блеяли козы, со двора выводили коров и деревенский пастух гнал стадо на луга, к реке, через железку, в обход воинской части. Мальчишки бегали к воде напрямки, перелезая через высокий бетонный забор.

– Серега! – в калитку просунулась голова соседского Пашки. – Мы с Жоркой купаться идем. Ты с нами?

– Сейчас. Курей докормлю – и выйду.

Пашка с Жоркой были соседскими погодками, с которыми Сергей особенно сдружился в это лето. Они вместе игра-

ли, вместе лазили на гору за ежевикой, вместе ходили купаться. Они-то и показали «городскому» короткий путь на реку – через воинскую часть, где размещалась 9-я мотострелковая дивизия⁴.

– Айда через забор! – Пашка сплюнул на рельсы уверенно направился к бетонной ограде.

– А не заругают? – засомневался Сережа.

– Не бойсь, пацанов не трогают. Сам увидишь. Лезь давай.

Сергей с трудом вскарабкался на забор. Сандалии скользили по гладкой плите, нагретый на солнце бетон обжигал руки. Пашка помог ему забраться наверх.

То, что он увидел за забором, поразило его. Огромные асфальтированные плацы, окаймленные черно-белыми свежескрашенными бордюрами, надраенные армейские грузовики с большущими колесами, но главное – в части кипела жизнь. На плацу маршировали солдаты – не те оловянные и пластмассовые солдатики, что покупал ему отец и с которыми он до сих пор играл в свободную минуту, а настоящие – в бухающих по асфальту сапогах, выцветших пилотках с алыми звездочками и с горящими на солнце пряжками ремней. Чуть поодаль другие, скинув гимнастерки, тренировались на спортплощадке. Слышались короткие команды.

Он шел за ребятами, опасливо озираясь по сторонам.

⁴ В 1992 году на ее базе будет сформирована знаменитая 131-я отдельная мотострелковая Краснодарская Краснознаменная, орденов Кутузова и Красной Звезды Кубанская казачья бригада, которую также называли «майкопской», по месту дислокации.

Вдруг все-таки прогонят? Не могут не прогнать: тут же воинская часть, секретность, вон какой заборище – за час не обойдешь!

Они подошли к спортплощадке. Тут приседали, отжимались на брусьях, крутились на перекладине. Мускулистые тела лоснились от пота. Один из бойцов, спрыгнув с турника, направился к ним.

– Здорово, Гриша! – закричали наперебой Пашка и Жорка.

– Здорово, пацаны! – он потрепал их по плечу. – А тебя, рыжий, как зовут? – обратился он к Сереже. – Что-то я тебя не помню. Ты здешний?

Он стоял перед ними и улыбался. С его коротко стриженных волос падали капли пота.

– Я Сергей. Мы через забор... Я тут первый раз... На лето приехал...

Он стоял красный как рак, язык от волнения заплетался.

– Можно мне еще посмотреть?

Солдат рассмеялся.

– За посмотреть денег не берут. Подтягиваться-то умеешь?

– Не знаю, – смутился Сережа. – На настоящем турнике не пробовал.

Солдат расхохотался.

– Так-таки ни разу не пробовал? Вроде пацан взрослый. Сколько лет тебе?

– Десять.

– Хочешь попробовать?

– Так высоко же, я не достану.

– А я подсажу. Вон и друзей твоих тоже. Они уже привычные.

Старший Пашка с ходу подтянулся восемь раз, Жорка, ровесник Сережи, – пять. Недавно их отец смастерил во дворе турник и те по нескольку раз на дню соревновались друг с другом. Сергей же повис как сосиска.

– Давай, Серега! – подбадривал Гриша. – Ногами не дрыгай, только силы растратишь. Соберись! Один раз подтянешься, дальше само пойдет.

Но в тот день дотянуться до перекладины он так и не смог. Зато твердо решил, что до конца лета научится подтягиваться восемь раз, как Пашка. Он про себя пообещал это Грише.

Они подружились. Теперь Сергей стал часто бывать в части. Как-то Гриша провел его по казарме. Их шаги гулко разносились по пустому помещению. Крашенные доски пола были чисто вымыты, аккуратно заправленные двухъярусные кровати стояли ровными рядами, солнечные лучики плясали на прикроватных тумбочках. Сережа подошел к одной кровати, потрогал синее колючее одеяло.

– Во, мой дедушка так же кровать заправляет, полосками к ногам.

– Он у тебя военный? – спросил Григорий.

– Да, в запасе. Он еще с фашистами воевал. У него и на-

грады есть.

Дед не любил рассказывать о войне. А расспрашивать его Сережа не решался. Однажды, заметив у деда на плече огромную, криво зарубцевавшуюся впадину, он потихоньку расспросил об этом бабушку.

– Под Ельней его ранило, вроде как снайпер подстрелил. Тогда снайпера немецкие много наших побили. Пуля-то разрывная – в шею попала, а в плече разорвалась. Вишь как получилось: через шею прошла и ничего не задела. Говорили, в рубашке родился. А я тебе так скажу: мать тогда молилась за него крепко, вот Бог и сберег.

Ноги у деда тоже были в шрамах. «Мина прилетела», – коротко ответил он на немой вопрос внука. Вечером, когда дед ложился спать, Сережа не мог оторвать глаз от его крепкого тела с клубками мускулов и веревками сухожилий. На раны он старался не смотреть, но они притягивали взгляд. И Сережа думал: каково это – пройти через войну? Смог бы он выдержать такое?

Иногда, когда в доме никого не было, он доставал с дальней полки тяжелую солдатскую каску с оборванным ремешком и надевал ее на свою коротко стриженную голову. Каска была страшно велика, но приятно холодила и пахла старым железом.

– А у вас каски есть? – спросил он как-то Гришу.

– Каски? – удивленно протянул тот. – Есть, конечно. И еще много чего есть. На учениях в полной экипировке бега-

ем. Вот вырастешь, пойдешь служить, сам узнаешь.

– Я бы хотел тут служить.

Сережа смотрел, как бойцы с автоматами рассаживались по машинам, – рота уезжала на стрельбище.

– А мы на следующий год увидимся? – он заглянул в глаза Грише.

– Нет, брат, у меня осенью дембель.

– Что такое – дембель?

– Домой, значит, пора. А потом, кто хочет – на сверхсрочную. Дальше служить. Такие дела.

– А ты хочешь дальше служить?

– Да, буду служить. Только уже не здесь.

– Так мы совсем больше не увидимся? – голос Сергея дрогнул.

– Кто знает! Если Афган затянется, может, там встретимся. На турник пойдем?

– А как же!

В тот день Сергей подтянулся восемь раз. Он выполнил обещание.

РАЗРЫВ

Дед поднялся с дивана и выключил телевизор.

– Пора, Сережка, спать. Завтра родители приезжают, по-
слезавтра в школу. Соскучился по товарищам-то твоим?

– Соскучился, – со вздохом ответил Сергей.

За лето он привык к деревенской жизни. С удовольствием ухаживал за кроликами, кормил кур, косил траву, бегал в

магазин, – словом, без дела не сидел.

После обеда он с пацанами закатывался на речку или лазил по горам – там водились ящерицы, которых Сережа навоострился ловить. Главное было быстро накрыть ее ладошкой, но не придавить. И не схватить за хвост, а то он останется в руках, а ящерица убежит. Это он усвоил быстро, с удивлением наблюдая, как оторванный хвост дергается в его руке. Ящерицы были красивые и переливались на солнце. Их можно было разглядывать часами. Он сажал их в банку и нес домой – показать деду и пацанам. А потом снова лез на гору – отпускать.

К концу лета Сережа стал скучать по родителям, а за неделю до первого сентября и вовсе затосковал. Впервые они расстались так надолго. Он высматривал их на улицах, в магазине, на почте. Подходя к дому, он представлял, что у калитки стоят желтые отцовские «Жигули». Не увидев их, он говорил себе, что родители приехали на троллейбусе и, наверное, уже сидят за столом. Но они всё не приезжали, и он не мог понять почему.

Ни от бабушки, ни от деда он ничего не добился. «Должны приехать, до первого сентября уж немного осталось», – успокаивали они его. И вот завтра – завтра! – они наконец увидятся. «Хорошо бы, чтоб папа подарил мне еще солдатиков, в касках и с автоматами. Я бы научил их ничего не бояться – ни пуль, ни всяких там мин. И всегда побеждать». С этими мыслями он заснул.

* * *

Дед, склонившись к настольной лампе, читал «Адыгейскую правду».

– Вася, – вполголоса позвала его жена, – оторвись-ка, мне тебе сказать кое-что надобно.

– Что случилось, Валюша?

Жена села рядом, положила руки на стол. Дед сразу стал серьезным.

– Сегодня ко мне на работу Наташа приходила. Разводятся они. Саша к себе уезжает, в Минводы.

– Как разводятся? А с пацаном что будет?

– Видишь ли, они оба не хотят Сережку оставлять.

– Как так – не хотят?

– Вроде как не вписывается он в их планы.

– Наталья так сказала?

– Так и сказала.

– И это наша дочь?! Где ж мы так промахнулись! – дед ударил кулаком по столу.

– Тише ты, Сережку разбудишь. Мужик у нее завелся, как я поняла, – шепнула жена.

– Так. То-то она на все лето пропала. Ну а Саня что? Нормальный же вроде мужик.

– Не знаю, я с ним не говорила.

– Пацану нужны отец и мать, – отрезал дед.

– Зато им он, выходит, не нужен.

– И как они это сыну скажут? Как в глаза ему будут смотреть?

– Не знаю, завтра обещали забрать, в школу отвезть.

Она посмотрела в угол, где горела лампадка.

– Может, еще наладится у них, как думаешь?

Дед молча встал и вышел на двор.

* * *

Сережа открыл глаза и улыбнулся. Сегодня приедут родители. Он потянулся, повернул голову в сторону дедовой кровати и вздрогнул: дед смотрел на него каким-то странным взглядом, будто видел его впервые.

– Дедушка, ты чего?

– Ничего, Сережка. Пора вставать.

Дед поднялся с постели. Постель была в беспорядке: одеяло сползло на пол, простыня сбилась в ком, обнажив полосатый матрас.

– Дедушка, тебе плохо спалось? Ты не заболел?

– Нет, Сережка, не заболел. Сон мне плохой снился. Пошли умываться, завтракать пора.

День был солнечный, на траве блестела роса. После обеда пришли соседские пацаны.

– Ба, во сколько папа с мамой приедут?

– Обещали к шести.

– Можно мы пока на речку сбегать?

– Беги, только не задерживайся. А то давеча потемну уж явился.

– Деда, можно твои часы взять? Чтобы не опоздать.

– Бери, только не потеряй. Сам застегнешь?

Сережа никогда не надевал дедовых часов. Он сам не знал, зачем сейчас попросил их.

Но ремешок не держался на детской руке.

– Неси-ка шило, сейчас новую дырку проколем, – предложил дед.

– Не надо, дедушка. Возьми. Я когда вырасту, тогда попрошу, а пока не надо. Я так.

* * *

Они подходили к железной дороге, когда вдали показался поезд.

Местные мальчишки привыкли к поездам. Но Пашка с Жоркой в поезде никогда не ездили. Поэтому нескончаемые рассказы Сереги о море и путешествиях слушали с открытыми ртами.

– В вагоне такие котлы есть – титаны, их щепками топят, – рассказывал Сергей. – Как самовар. Там воду кипятят. Дым от этих щепок вкусно пахнет. Во, видите трубы на вагоне, из одной дым идет. Это он и есть, титан. Можно хоть весь день чай гонять. А если из окна высунуться, все вагоны видно.

И ветер в лицо, как на мотоцикле. Но надо смотреть, чтобы навстречу поезд не шел. А то папа рассказывал, как один мужик голову высунул, а тут встречный поезд. И – рраз! Он обратно на полку сел, но уже без головы.

Пацаны в ужасе переглянулись.

Поезд дал длинный гудок. Застучали вагоны, замелькали за окнами лица. Семьи возвращались с моря – веселые, загорелые, с торчащими из сумок плавниками ласт и складными зонтами от солнца. Раскладывали на столиках купленные у торговцев на пляже морские раковины и собранные на берегу цветные камешки, доедали бархатистые, брызжущие свежим соком персики и тяжелые муаровые гроздья винограда. Из радиоточек уже по третьему разу неслось «Всё могут короли», а в коридоре кричали разносчики, предлагая кремовые пирожные и диковинный зеленый напиток – «Тархун».

Сергей живо представил себя в вагоне поезда. Это было совсем недавно – прошлым летом. «Увижу папу с мамой – обязательно попрошу, чтоб на будущий год мы поехали отдыхать вместе, – подумал он. – Хоть на пару недель. А потом – к дедушке».

Поезд таял вдаль. Сергей долго смотрел на него, потом повернулся и побежал догонять товарищей.

* * *

Плавали наперегонки до острова. За лето Сергей здорово

окреп, но все же пока отставал от соседских пацанов. После четвертого заплыва на берег он выбрался без сил. Сделав пару шагов, повалился на теплый песок и стал представлять, как сегодня встретится с родителями. Они станут его звать, а он спрячется за печкой и напугает их.

Проснулся он от холода. Вокруг, как вата, клубился густой туман. Темнело. Реки видно не было. Да что реки – его ноги тонули в белесоватой мгле.

– Пашка! Жорка! Вы где? – крикнул Сергей и не узнал своего голоса. Голос был хриплый и срывался на писк. Крик потонул в вате.

– Пацаны! – в панике заорал он во все горло.

– Серега! Мы тут! – отозвались испуганные голоса. – Туманище-то какой!

Из ваты проступили темные силуэты.

– Пацаны, айда скорее домой. У меня родители, наверное, уже приехали. И от бабушки мне влетит.

– Ага, – кивнули братья, – наверное, нам от папки тоже влетит.

Взявшись за руки, они медленно двинулись к реке. Ноги почувствовали воду раньше, чем ее увидели глаза. Вода показалась очень теплой. Но, сделав шаг, мальчики остановились. Заходить в реку было страшно: куда плыть, понять было нельзя: впереди все тонуло в сплошном тумане.

Сережу била мелкая дрожь. Руки и ноги покрылись гусиной кожей. Он чувствовал, что цепенеет, словно врастая в

теплый прибрежный ил, и уже нет сил ни сдвинуться с места, ни закричать.

* * *

Клубок света, урча мотором, медленно катился по улице. «Жигули» остановились у калитки. Погасли фары, смолк мотор. Проскрипели по влажному стеклу дворники. Женщина на переднем сиденье открыла окно. Вместе с туманом в салон ворвался запах свежескошенной травы.

– Черт знает что, никогда такого тумана не видела.

Она щелкнула зажигалкой, затянулась.

Муж молча глядел на нее, потом положил руку ей на плечо. Она резко обернулась.

– Только не начинай все сначала. Мы же давно всё решили.

Она распахнула дверь и исчезла в тумане. Он посидел с минуту неподвижно, вдыхая запах ее духов, потом вышел из машины и направился к дому.

На крыльце сидел дед.

– Здравствуйте, Михаливаныч! Как вы тут? Сережа дома?

– Здорово, Сашок. Убежал стервец еще с обеда на речку с пацанами. Вишь, туман-то какой! Кабы чего не случилось! Я уж собрался сам идти его шукать, да боюсь разминуться. Они вон через часть бегать повадились.

– Я пойду его поищу.

– Сходи. Наталья-то с тобой приехала?

– Да. Она не проходила?

– Не видел. Ну об вас у меня отдельный разговор имеется.

Сейчас первым делом Сережку надобно привести. Не заблудишься?

– Постараюсь.

Он повернулся и исчез в тумане.

* * *

– Я боюсь, – сказал Жорка и всхлипнул.

– Может, тут подождем? – переминаясь с ноги на ногу нерешительно предложил Пашка. – Я бате сказал, что мы на острове будем. Он небось за нами на лодке приплывет. Все равно ведь выпшет, так уж чего там...

Сережа слушал тишину. Вдруг ему показалась, что вдалеке кто-то зовет его по имени.

– Папка! Там папка меня ищет! – закричал он и плюхнулся в воду, отчаянно колотя по ней руками и ногами.

Он сам не заметил, как уткнулся в берег – тот вырос перед ним как гора. Прыгая по черному илу, он отчаянно заорал:

– Папа, я тут! Папа!

Никто не отозвался.

Сзади захлопали и зафыркали. Он обернулся. На берег выбрались Пашка и Жорка. На этот раз они его еле догнали.

– Айда, побежали скорей! – закричали они.

– Нет! Тут папа, я должен его найти! – Сережа не двинулся с места.

– Да нет тут никого. Тебе показалось.

– Нет, не показалось.

Он крикнул еще раз. Ответа не было.

– Давайте так: вы бегите через часть, а я в обход. Если его увидите, скажите, пусть домой возвращается, ладно? Ну я пошел.

Туман сомкнулся за ним.

– Папа, я тут! – слабо донеслось до них через мгновение.

Вытянув перед собой руки, мальчишки осторожно двинулись к части.

* * *

Железную дорогу он узнал по запаху. Он любил этот запах шпала и железа, хруст гравия под ногами. Теперь уже недалеко. По железке можно дойти почти до самого дома. Он шел, спотыкаясь, по шпалам, оглядываясь и прислушиваясь, не идет ли поезд. Разодранное колено кровило: в тумане налетел на железный прут. Ему казалось, что в этом тумане он бредет уже целый час, а может быть, целый год. Казалось, что в целом мире не осталось ничего другого – ни моря, ни школы, ни папы с мамой, – только этот сплошной туман. Что вся прошлая жизнь была сном, а теперь он проснулся и идет – куда, зачем?

– Сережка!

– Папка! – он с размаху уткнулся в мокрый отцовский плащ и задохнулся от радости.

Отец поднял его и прижал к себе.

– Какой ты тяжелый стал!

Он вернул его на землю.

– Да ты замерз весь! Где ты пропадал? Старики с ума схо-
дят.

– Мы на острове были. А ты звал меня на берегу?

– На берегу? Да я только сюда дошел. Я даже не знаю, где
вы там купаетесь.

Сергей смотрел на свои дрожащие, перепачканные илом
ноги.

– Пойдем, пап.

Они подошли к дому. Щелкнула дверца машины. Сережа
обернулся.

– Мама! – он бросился к ней.

От мамы пахло ее любимыми духами. Она погладила сына
по голове и легонько подтолкнула к дому.

– Переодевайся скорее, нам пора ехать.

На крыльце показался дед.

– Явился? Времени знаешь сколько? Куда шагаешь?
Марш в ванную, полотенце вот держи. Да разотрись хоро-
шенько, а то вон синий весь.

– Что ж это вы, паразиты, удумали, – обратился дед к Са-
ше, когда Сергей скрылся в доме. – При живых родителях

пацана сиротой сделать хотите. Ты отец или не отец? Чего глаза-то прячешь?

– С ней разговаривайте. Не я семью сломал.

– Ты за себя прежде ответь! – глаза деда сверкали. – Да что с вами говорить, оба хороши! Раз так, то и нечего вам воспитанием заниматься. Справимся. Только как вы всё это сыну скажете, хотел бы я знать! Как в глаза-то ему посмотрите? Вы об этом подумали?

* * *

До дома ехали молча. Сергей чувствовал напряжение между родителями и думал, что они сердятся на него за то, что он заставил всех волноваться. Он протирает ладошкой запотевшее стекло и пытался вспомнить дорогу до дома. Туман переливался огнями светофоров, вывесок и витрин. Отец вел машину осторожно, и вместо обычных пятнадцати минут добирались они целых полчаса. Сережу всю дорогу не покидало чувство вины, и он обрадовался, когда наконец подъехали к их девятиэтажке.

Квартира, в которой он не был все лето, вдруг показалась ему какой-то маленькой, заброшенной. Пока мама накрывала на стол, он распаковал свои вещи, расставил на подоконнике солдатиков, убрал в стол тетради и карандаши. На другом окне стоял в вазе букет красных роз. «Для нашей классной», – сообразил Сережа. В комнату вошел отец и поставил

перед ним плоскую коробочку.

– Это тебе. Нравятся?

Да, это были они – зеленые солдатики в касках. Одни стояли на посту, руки по швам, другие маршировали; был тут и пограничник с собакой, и сигнальщик с флажком, и припавший к земле пулеметчик; был и силуэт танка на узенькой подставке, и даже автомобиль на гусеницах с огромной, задранной вверх ракетой.

– Пап, спасибо тебе большое! Я так тебя люблю!

Сережа бросился ему на шею. От отца пахло шерстяным свитером и еще чем-то неуловимо приятным. Его телом. Этот запах дурманил его.

Когда-то давно он спросил отца:

– Пап, а когда я вырасту, я буду пахнуть как ты?

Тот рассмеялся:

– Конечно, будешь. Ты же мой сын.

Вечером мать отгладила рубашку и повесила ее рядом со школьной формой на спинку стула. Отец сунул в портфель новый дневник, что-то сказал про то, что пятерки в нем легче носить, чем двойки, погладил сына по голове и выключил свет. Когда Сережа заснул, отец вытащил из-за шкафа раскладушку и отнес ее на кухню.

* * *

Будильник зазвонил в семь. Родители уже встали. Завтра-

кали быстро. Перед выходом мама аккуратно причесала Сережу, поцеловала его в лоб. Засмеявшись, стерла следы помады.

Она была в отличном настроении, что-то щебетала, а отец кивал. Была суббота, и никто из родителей не спешил на работу. Сережа радостно размахивал портфелем со сменкой и старался не уколоться о розы, которые он нес в другой руке. Из букета капала вода, скатываясь в дорожной пыли в аккуратные шарики. Пара капель упала на его новые туфли. Их покупали еще весной. Тогда они были ему велики, но мама пообещала, что осенью они будут впору. И прибавила: «Чтобы перед школой по магазинам не бегать». Сережа терпеть не мог «бегать по магазинам», особенно, когда там приходилось что-то мерить. Для него это было настоящим мучением – переодеваться в тесных и душных кабинках, поворачиваться туда-сюда, расшнуровывать и зашнуровывать ботинки, расстегивать и застегивать рубашки! Папа, кажется, тоже не любил походов по магазинам, но никогда не отказывал маме, когда та звала его с собой «покупать обновку». Только в последнее время она стала ходить по магазинам одна, иногда пропадая на целый день. Одевалась она красиво и вещи выбирать умела. Сережа пару раз подпрыгнул на ходу – туфли сидели отлично.

Во дворе школы стоял гомон ребячьих голосов. Учителя собирали детей на торжественную линейку. Сережу обступили сверстники – такие же повзрослевшие, как он сам. Ро-

дители остались у ворот.

Класс построили в две шеренги. «Как солдат на плацу», — вспомнил Сергей воинскую часть. Солнце палило, теплая форма быстро нагрелась. Хотелось ее снять, под новой рубашкой чесалось. Сережа искал глазами родителей, но не мог углядеть их в пестрой толпе взрослых.

Лишь когда школьники притихли и вперед вышла директриса, чтобы поздравить всех с началом учебного года, он вдруг увидел их. Мама быстро шла по улице, придерживая рукой сумочку, отец пытался ее остановить. Кажется, они ругались. Отец махал руками, а мама, не оборачиваясь, что-то коротко отвечала. Сережа уже не слушал, что говорила директриса. Ему хотелось побежать за родителями, обнять их, успокоить, как они успокаивали его прошлой осенью, когда в первый день нового учебного года его отмутузил Борька, решивший занять его место за партой. Плакал он тогда больше не от боли, а от обиды, ведь его унижение видел весь класс. Ему было стыдно своих слез, и от этого они лились еще пуще. Мама собиралась на другой день поговорить с учительницей, но Сережа уговорил ее не ходить в школу. А вечером попросил отца записать его в секцию бокса. Но оказалось, что туда берут только с двенадцати лет. Не вписывалась в тесную квартиру и боксерская груша, поэтому Сережа тренировал удар перед зеркалом, подбрасывая в воздух газетный лист и стараясь пробить его с первого удара кулаком, как показал ему дворовый приятель, который хвастал, что

знает приемы карате. С Борькой отношения потом наладились, хотя подраться им пришлось еще не раз. Но Сергей со временем научился не давать волю эмоциям, и драться с ним стало неинтересно.

И вот теперь он смотрел, как ссорятся родители, и не понимал, что происходит. Он хотел бежать за ними, но директриса закончила речь, все захлопали, из репродукторов зазвучал знакомый припев «учат в школе, учат в школе...», и все, класс за классом, стали заходить в школу. Стараясь не упустить из виду родителей, Сергей не заметил, как врезался в одноклассника. Это был Пашка-Зуб, мать которого, как все знали, пила, а отца не было. Прозвище он получил за передний зуб, который торчал, как у кролика. Второго зуба не было. Над ним всегда смеялись: то в дырявых носках придет, то в заношенной куртке на три размера больше, то в рваных ботинках. Сегодня Пашка пришел в калошах.

– Ты чего в калошах? – шепотом спросил Серега, потирая саднившее колено.

– Мать ботинки не купила. Старые-то малы, да и подошва уже два раза отлетала. Я проволокой пробовал прикрутить – не держится.

– Я тебя прикрою, – шепнул Сережа, но было поздно.

– Гляди-ка, Прошкин в калошах приперся, – крикнул Влад, главный говнюк класса.

Пацаны заржали. В дверях Влад изловчился и наступил Пашке на калошу, тот споткнулся и упал. В следующее мгно-

вание в ухо обидчика врезался Сережин кулак, все еще сжимавший букет алых роз. Замаха в толкучке не получилось, но Влад с грохотом отлетел к двери. Шипы вонзились Сереже в ладонь, одна роза сломалась. Учительница громко крикнула на него, схватила за руку и потащила вперед. Сережа волочился за ней как в тумане. Он не понимал, как такой счастливый день в один миг превратился в кошмар.

Все поднялись в актовый зал. Из окон на лестнице он пытался разглядеть родителей, но их уже не было видно.

После торжественной линейки все разошлись по классам. В классах за партами еще сидели родители: записывали имена учителей, график продленки, какие-то правила поведения. Сережа с радостью увидел среди них отца. Он аккуратно писал что-то на листке бумаги. Мамы не было.

Сережа успокоился. Все будет хорошо. Вечером он расскажет родителям, как прошел день, покажет новые учебники. Он любил просматривать их в первый же вечер, останавливаясь то на интересной картинке, то на незнакомом слове и представляя, как здорово будет все это изучить.

Когда уроки закончились, во дворе школы Сережа увидел отца.

– А где мама? – первым делом спросил он.

– Срочно вызвали на работу, – ответил отец, опутив глаза.

– Вы поссорились?

– Почему ты так решил? – он пристально посмотрел на

сына.

– Я видел, там, утром, у забора... – он замялся.

Отец взял его за руку.

– Пойдем. Я тебе дома все объясню.

У Сережи вдруг возникло ощущение какой-то неотвратимой беды. Где-то внизу живота, как бывало иногда на уроке, когда учительница раздумывала, кого вызвать к доске. Он всегда чувствовал, когда вызовут именно его. Он ничего не мог поделать с этим ощущением. Вот и теперь он точно знал: что-то должно случится.

Всю дорогу они молчали. Отец шел быстро, Сережа еле успевал за ним. Портфель с учебниками оттягивал руку.

В подъезде было прохладно. Сережа почувствовал, что вспотел. Отец нажал кнопку лифта, но ничего не произошло.

– Опять сломался, зараза! – он обернулся к сыну и только тут поймал его тревожный взгляд. – Давай портфель, пойдем пешком.

Один пролет сменялся другим. Мусоропроводы подвигали кислым и гнилым. Сережа тяжело дышал.

– Папа, подожди! – его крик эхом разлетелся по пролетам.

– Некогда, сынок! Опаздываю.

«Куда он опаздывает? Сегодня же выходной!» – подумал Сережа, но ничего не сказал. Он хватался за перила и старался не отставать.

В квартире было душно. Отец подошел к балкону, отдернул тюль, открыл балконную дверь. Сережа пошел в ванную

умываться. Когда он вернулся, отец сидел на корточках и укладывал вещи в большую дорожную сумку, с которой они ездили на юг. Черная сумка с белой надписью на английском.

– Папа, мы что – уезжаем?

– Уезжаю я. А ты остаешься.

– Ты надолго? – спросил Сережа охрипшим голосом, отчаянно пытаясь убедить себя, что на этот раз он ошибся, что предчувствие его обмануло, что никакой беды не случится. Но он уже знал, что это случилось, что беда уже здесь, рядом, в этой комнате. И что ничего нельзя изменить.

– Ты уже взрослый мальчик, – мягко сказал отец. – Ты должен меня понять.

– Нет, нет, не уезжай! – закричал Сережа. – Вы с мамой помиритесь! Я ей скажу!

– Послушай, мама тоже уехала. Вернее, переехала. Она будет тебя навещать. А жить ты будешь у дедушки с бабушкой. Тебе ведь там нравится?

Сережа растерянно моргал мокрыми ресницами. Он снова ничего не понимал. Ведь еще утром папа сидел в школе, записывал на листочке фамилии учителей. Зачем?

– Папа, почему ты от меня уезжаешь? Что я такого сделал? – он обхватил отца за ноги и зарыдал.

Он чувствовал запах отца, его вещей. Казалось, он хотел навсегда запомнить его, сохранить, впитать.

– Папа, ты ведь приедешь, правда?

– Да, да, приеду. А сейчас мне пора.

Отец подхватил сумку. Сережа вдруг застыл.

Конечно! Значит, они больше не поедут летом к морю, как он мечтал. Он вспомнил вчерашний туман. Ему вдруг показалось, что все вокруг исчезло – отец, его сумка, разбросанные по полу вещи, портфель с учебниками, письменный стол с зеленой лампой, – все растворилось в тумане. Он снова, как тогда у реки, стоял и дрожал, не зная, куда идти. Время остановилось.

Рука отца опустилась ему на плечо.

– Обед на плите. Сам разогреешь? А вечером дед за тобой заедет.

Щелкнул дверной замок. Сережа остался один.

С подоконника на него молча смотрели солдаты. Он вдруг представил, что все они настоящие, ждут его команды, а он, командир, сидит перед ними и размазывает слезы по щекам. Он поднялся и произнес, как не раз слышал на занятиях в части:

– Вольно! Разойдись!

И пошел в ванную – умываться.

* * *

Суп он есть не стал, убрал в холодильник. Долго жевал холодную котлету. Есть не хотелось. Хотелось закрыть глаза и заснуть, чтобы, когда проснешься, все стало по-прежнему. Он бродил по пустой квартире, пытаясь представить се-

бе завтрашний день. Но ничего не получалось.

На улице стемнело, зажглись фонари. Заработал лифт. Люди возвращались домой. Он давно научился угадывать по звуку, на какой этаж поднимается кабина. Он сидел на полу в прихожей и прислушивался. Лифт загудел. Сережа слышал, как он спустился вниз, потом потянулся вверх. Сережа замер. И лифт дотянул. Он распахнул дверь. Из лифта вышел дед.

– Дедушка!

Он рванул к деду и прижался к нему изо всех сил.

* * *

– Ба, а ты не знаешь, из-за чего папа с мамой поссорились?

– Не знаю, милый. Бог им судья.

– А они помирятся?

– Захотели бы, так давно б помирились. А из черепков обратно горшок не склеишь. Ты на них-то не больно смотри, свой ум наживай.

– Почему же они меня оставили? Чем я их обидел?

– Ты тут ни при чем. Каждый, вишь, себя больше любит.

– А дедушка говорит, что меня папа очень любит.

– А ты его любишь?

– Очень. Он к нам приедет? Он обещал!

– Эвона! Обещал...

Она приоткрыла сковороду, и последние слова потонули

в шипении масла:

– Нет у него ни стыда, ни совести.

* * *

Мама приехала в следующую субботу. Вслед за ней в дом вошел неизвестный Сереже человек. Он протянул влажную руку:

– Дядя Виталий.

Его усы шевелились как живые. Сереже стало неприятно. Руку он украдкой вытер об штаны.

Сели за столом на кухне. Было как-то странно видеть рядом с мамой не отца, а чужого человека.

– Где папа? – громко спросил Сережа.

– Разве ты не знаешь? – мать пристально посмотрела на сына. – Он уехал.

– Когда он приедет?

– Он теперь живет далеко и не сможет приехать, – спокойно сказала мать.

– Я могу поехать к нему? – в его голосе звенел вызов.

Мать удивленно посмотрела на сына.

– Тебе учиться надо, а не цыганствовать, прости господи, – бабушка поставила на стол чашки. – Ты-то, Наталья, где теперь жить будешь? – обратилась она к дочери.

– У нас. Вещи Виталик уже перевез. Да, – она ласково взглянула на Сережу, – ты можешь как-нибудь приехать к

нам в воскресенье.

– Мне и здесь хорошо, – буркнул он, не поднимая глаз.

– Вы расписываться собираетесь или как? – вступил в разговор дед.

– Да, заявление мы уже подали.

– И фамилию менять будешь?

– И фамилию, – Наталья отвела глаза.

– Только мне фамилию менять не надо! – выкрикнул Сережа. – Мою фамилию мне оставьте – Шутов!

Он выскочил из-за стола. Хлопнула дверь. Дед встал.

– Вот что, – его голос звучал глухо, но твердо, – ты, Наталья, пока сюда не приезжай. – Он обвел взглядом сидящих за столом. – Вишь, что наделали. Живите как хотите, а в его жизнь не лезьте.

– Как скажешь. Я тут денег принесла. Возьмите, пригодятся.

– И не думай. Не возьму. Проживем как-нибудь, чай не война.

– Ну мы пойдем, пожалуй, – Виталий поднялся. – Счастливо оставаться.

Сережа видел, как они вышли из калитки и пошли к остановке. Он смотрел им вслед, пока они не скрылись за углом.

* * *

В школу он теперь ездил на троллейбусе через весь Май-

коп. На пути от троллейбусной остановки до школы стоял их дом. Сережа иногда поглядывал на свой балкон. Там висели новые занавески и не было его лыж.

ВЫБОР

Мальчишки грезили Афганом. Лазили по горам, устраивали засады. По рукам – вернее, по головам – ходила выгоревшая под чужим солнцем панама-афганка, которую привез с войны чей-то старший брат. Вернувшиеся «из-за речки» рассказывали героические истории. Те, кто не потерял рук и ног. Кто не спился и не вздернулся.

В секции по борьбе, куда Сережу в двенадцать лет отвел дед, пацанов тренировал бывший афганец. Для них он стал настоящим кумиром. Все мальчишки хотели научиться так же ловко крутить вертушки, проводить захваты и броски и кидать ножи, вернее, нож, который, впрочем, дядя Валера – так звали тренера – никому не давал. Всем страшно хотелось послушать его рассказы о войне, но разговорить его удалось лишь однажды. В тот день к нему приезжал сослуживец и они долго просидели вдвоем в тренерской комнатке. А вечером после тренировки завязался разговор. Вопросы сыпались со всех сторон.

– Дядя Валера, а на войне страшно было? – спросил его Сергей.

– Да как тебе сказать... В общем, страшно, конечно, особенно поначалу. Только в бою об этом думать некогда. Там о другом думаешь. Как товарища прикрыть, какую позицию

выбрать, как отходить. Магазины считаешь, сколько осталось. Некогда в бою бояться. А вот когда колонна с техникой идет – трое суток иногда по горам идет, – и не знаешь, где рванет, где засада, – вот это выматывает похуже боя. Вертушки нас, конечно, провожали, да и саперы впереди идут, мины снимают, но все равно подрывались. У меня так друг погиб, на бэтере.

Мальчишки слушали, раскрыв рот. Они уже хорошо знали, что такое «броня», «вертушка», «рожок», «растяжка». Знали, кто такие «духи» и кто такие «шурави». Афганистан прочно вошел в их жизнь. В их детских играх одна война незаметно сменила другую.

Сережа ходил на борьбу каждый день. Он заметно окреп. На худосочном теле быстро нарастали мускулы. Подтягивался он уже пятнадцать раз, а отжимался больше тридцати. Дома он нашел старые гантели и тягал их перед завтраком, обедом и ужином.

По пути с тренировки он представлял, как поезд уносит его на войну. А мать с отцом стоят и машут ему вслед. Он побеждает всех врагов и возвращается – в выцветшей афганской форме, с медалями на груди. Поезд замедляет ход, он ловко спрыгивает с подножки и подходит к дому. Открывает дверь и видит: вся семья склонилась над газетой, где написано про него. Вдруг они разом оборачиваются и радостно вскрикивают: «Сережка!»

– Вот бы Афган не закончился, когда я вырасту! – Сережа

сидел с дедом на кровати. Только что они посмотрели «В бой идут одни старики». – Я бы там повоевал.

– Вот еще удумал! Знаешь, как говорят: на войну и на похороны не опаздывают и не напрашиваются.

– Но ты же сам пошел воевать?

– Я-то? Пошел, конечно. Тогда нельзя было не пойти. Тогда вся судьба наша решалась. Каждый человек ее и решал. Сколько солдат полегло – не сосчитать, а вот не хватило бы одного – кто знает, как все могло обернуться. Вот и шли люди на войну, хоть даже и не военные, потому что понимали: от каждого зависит, кто победит.

– Значит, каждый из них – герой?

– Да почитай что каждый.

– А если кого сразу убило? Первым же выстрелом? Он тоже – герой?

– Как же не герой? Может, он тем командира своего сберег или товарища, что его пулю на себя взял. Дело-то общее делали. И слава одна на всех, кто в бой шел, за спинами не прятался. Так-то.

– Дедушка, я решил, что стану военным. После школы в училище пойду.

– Решил, говоришь? – дед прищурился. – Ты, Сережка, уже парень большой, понимать должен: не давши слово – крепись, а давши – держись. Ты до поры еще подумай крепко. А пока давай-ка спать, завтра в школу. Это у тебя пока главное дело.

* * *

После очередной тренировки афганец дал задание отрабатывать захват. С отцом или со страшим братом. Сережа плелся домой и спрашивал себя: «Почему именно меня бросил отец? Не Пашку, не Игоря, не Жеку. Что я сделал не так?» Он перебирал воспоминания, но где оступился, в чем провинился перед отцом, понять не мог.

Возле дома он встретил Пашку. Тот ехал на велосипеде с сеткой в одной руке – возвращался из магазина.

– Серый, к тебе сегодня отец приезжал! – крикнул он, едва завидев друга.

Сережа на мгновение застыл как вкопанный, потом рванул к дому.

– Папа! Где папа? – закричал он, вбежав в комнату.

Бабушка накрывала на стол. Дед у окна читал газету. Отца не было.

– Папа – он здесь? Он приезжал? – Сережа почти задышался.

– Приехал и уехал, – сказала бабушка, поджав губы. – Не стал он тебя дожидаться.

– Он тебе подарок оставил, – дед отложил газету. – Пойдем.

– Василий! – всплеснула руками бабушка.

– Валя, хватит. Раз уж так получилось...

– Что получилось? Зачем ему детские машинки? Он его бросил, а теперь еще мучает!

– Валя! Он его отец!

– Он обещал мне машинки и привез, он меня не забыл! – крикнул Сережа и выбежал на улицу.

У Пашки уже обедали, вся семья сидела за столом. Велосипед стоял у крыльца.

– Паш, я возьму велик! – прокричал Сережа в окно и, не дожидаясь ответа, выволок велосипед на дорожку и налег на педали. Высокое седло уперлось ему в спину, но он этого даже не заметил.

Вернулся он под вечер. Усталый, взлохмаченный, с пыльными разводами на лице. Папы нигде не было. Ни его, ни его машины. Он отвел велосипед и опустился на лавочку у калитки. Вскоре вышел дед и присел рядом. Больше всего Сереже не хотелось, чтобы сейчас его расспрашивали или, того хуже, утешали. Но дед молчал. И Сережа вдруг подумал, что дед, наверное, единственный человек, который его по-настоящему понимает.

– Дедушка, я тебя никогда не брошу, – тихо сказал Сережа. – Я тебя очень люблю.

Дед молча обнял его крепкой рукой. Сергей смотрел на звезды и чувствовал, как уходит боль и радостное умиротворение охватывает все его существо. Он понял, что нашел опору, которой ему так не хватало. Понял, что кому-то нужен и что сам готов сделать все ради того, кто в него пове-

рил. Правильно говорил дядя Валера: слабость – это то же предательство. Он будет сильным. Как дядя Валера. Как де-душка. Как Гриша. И он никогда не предаст их.

* * *

На другой день была суббота. Дед затеял мыться. Он долго плескался в ванной, а когда вышел, упал без сознания. Скорая увезла его в больницу – инсульт.

Бабушка отпрашивалась с работы, бегала к нему, доставала лекарства, договаривалась с врачами. Дед пришел в себя. Через неделю его привезли домой и кувырнули на кровать.

Сережа не отходил от деда: переворачивал, кормил с ложечки, выносил утку, читал вслух газеты, растирал ноги и руки. Бабушка продолжала работать в доме престарелых: деньги теперь таяли с пугающей быстротой. С шести утра она стерилизовала матрасы после умерших, а потом переодевалась и до вечера работала нянечкой.

Хозяйство легло на Сережины плечи. Он ухаживал за живностью, полол и поливал огород, бегал за продуктами. Со школой бабушка договорилась и два раза в неделю приносила ему список домашних заданий.

В школе деда знали и уважали. Учителя помнили, как он приходил на родительские собрания – всегда при галстукe, в пиджаке, кряжистый, серьезный, рассудительный. Да и многие одноклассники завидовали Сереже: вот, дескать, какой у

тебя дед – силища!

А он так и не мог привыкнуть к тому, что эта силища теперь слабее его самого. Не раз он видел, как молилась перед иконами бабушка и думал: я отдал бы все, что у меня есть, – все мои машинки, всех солдатиков, чтобы только дедушка поправился. Но солдатики оставались в коробке, а дедушка смотрел на него с кривой улыбкой и дергал одной половиной лица, силясь что-то сказать.

Через две недели он пошел на поправку. Врач сказала, что с ним надо обязательно говорить, и Сережа часами разговаривал с дедом: пересказывал материал из учебников, показывал домашние задания, читал стихи.

Наконец дед встал с постели. Он заметно осунулся, но выглядел по-прежнему брутально. Еще резче проступили следы от ран. Сережа восхищался его телом. Но куда больше – его волей. Он видел, как тяжело ему давались первые движения, первые шаги, даже первые слова. И сам он вместе с ним каждый день боролся с болезнью. Боролся – и победил. И эта общая борьба еще больше сблизила их.

Сергей теперь снова ходил в школу. Близился конец учебного года. Через три дня предстояла важная контрольная.

– Раз такое дело, – сказал ему вечером дед, – сиди-ка ты готовься, сейчас это важнее. По хозяйству я управлюсь.

Сережа засел за учебники. Дед принес из магазина кефир и два пачки любимого Сережкиного печенья – «Юбилейного».

Оценки объявили через неделю. Подойдя к дому, Сережа увидел деда. Он стоял у крыльца, опершись на лопату.

– Дедушка, я не сдал, – Сережа застыл у калитки.

– Как не сдал? – дед повернулся к нему. – Ты же готовился!

Сережа опустил глаза.

– Эх, Серега, Серега... – он подхватил лопату и побрел в огород.

Дед не разговаривал с ним два дня. Для Сережи это было худшим наказанием. Он вспоминал, как молчали в машине родители, когда возвращались с ним накануне первого сентября. Вспоминал, как молчал отец по дороге из школы, перед тем как уехать. Молчание причиняло ему почти физическую боль.

Ночью Сережа не мог заснуть: все думал, как ему заслужить прощение. Он знал, что в этот раз наказание справедливо. Что он подвел – и кого! – деда, который в него так верил.

Через два дня дед вдруг спросил его:

– Помнится, ты говорил, что военным хочешь стать. Не раздумал еще?

– Нет, дедушка, не раздумал.

Сережа не мог поверить, что он прощен.

– А раз так, нечего нос вешать. Не все сразу в жизни получается. На то у тебя и голова, чтобы думать, да на ошибках учиться. Трудного впереди еще много будет. Похлеще твоей

контрольной.

– Я, дедушка, эту двойку исправлю. Обязательно.

– Ну-ну... – дед внимательно глядел на внука. – А что это такое – военный, ты представляешь? Думаешь небось, форму надел, автомат взял – и военный?

Сережа недоуменно моргал. И правда, он по-настоящему никогда не задумывался, кто такие военные. Раньше ему просто нравилась военная форма – портупея, лаковые сапоги, блестящие звездочки на погонах. Нравились военные песни. Потом, когда он познакомился с Гришей, его покорила та ловкость, с которой бойцы крутили перевороты на турнике и упражнялись на брусьях. Наконец, занятия с дядей Валерой приоткрыли ему что-то такое, о чем он даже не подозревал. Нет, это были не приемы рукопашного боя или искусство метания ножа. И даже не рассказы о войне, хотя они крепко запали Сереже в душу. Он вдруг понял, что так поразило и так привлекало его и в Грише, и в дяде Валере, и в дедушке. Характер. Какой-то незримый огонь внутри. Стержень. Он вспомнил об отце. У него не было такого стержня. И Сереже стало обидно за него.

– Так вот, Серега, – прервал дед раздумья внука, – военный – это такой человек, который, коли понадобится, жизнь свою готов отдать. Если кто этого не понимает, проку от него – пшик. Как на такого положиться? Испугается он – товарищей своих погубит. А командиру еще сложнее: ему ошибаться нельзя – он чужими жизнями распоряжается. Послать

на смерть невелика наука, а вот врага побить и солдат своих сберечь – вот за это почет и уважение.

– И награды за это дают? – Сережкины глаза горели.

Дед хмыкнул.

– Дают и награды. Только война прежде свои награды раздает, не скупится, – он покосился на плечо с вырванным куском мяса. – Только, милый ты мой, не видал я, чтоб за награды в атаку на пулеметы ходили. А вот за товарищей своих – бывало. За товарищей и умереть не грех. А награды – они ко всем относятся. Вот на фронте друг у меня был – Сашка, его на моих глазах убило. И вот пойдя узнай, получил бы я ту Звезду, кабы он меня тогда не прикрыл? – Он посмотрел в угол, где тускло отсвечивали иконы. – Так что нам ее, считай, на двоих дали.

Сережа вдруг порывисто обнял деда и прошептал:

– Я хочу быть как ты. И я не подведу. Ты веришь мне? Веришь?

Дед молча гладил его по голове, потом поднялся и украдкой смахнул соринку с ресниц.

КОВБОИ У БАССЕЙНА

– Училище, равняйся! Смирррно! Равнение на середину!

В ОрджВОКУ⁵ первокурсники принимали присягу. Позади остался курс молодого бойца, который, казалось, никогда не закончится. Бесконечные подъемы и отбои за 45 се-

кунд, до тех пор, пока обмундирование, как в трюках Дэвида Копперфильда, не научится мгновенно переходить из положения «надето-застегнуто» в положение «сложено-выровнено» и обратно. Днем – бесконечные кроссы по жаре в противогазах, в дождь – преодоление по-пластунски полосы препятствий; вечером – стирка и сушка всего и вся, подшивка воротничков и пришивание пуговиц, чтобы завтра все повторилось вновь. И бесконечные подтягивания, отжимания и приседания. Приседали всем взводом, обхватив друг друга за плечи и считая вслух. Уже трудно было разобратъ, наказание ли это за какую-то провинность или чей-то дьявольский эксперимент. К концу первой недели у молодых здоровых парней осталось лишь два желания – чего-нибудь (неважно чего) пожрать и где-нибудь (неважно где) уснуть. Кто-то умудрялся спать даже в строю по дороге в столовую. Столовая занимала весь первый этаж огромного двухэтажного здания старинной усадьбы, в котором размещалось училище. Но «молодым бойцам» было не до красот архитектуры. Особенно тяжело приходилось тем, кто пришел в училище не из армии или кадетов, а прямо со школьной скамьи. За месяц из трехсот новобранцев отсеялось около ста. Остальных поддерживало лишь одно: число дней, оставшихся до присяги, неумолимо таяло.

И вот наконец этот день настал: они выстроились на плацу – на стриженных головах новенькие фуражки, выглаженная «парадка» с аккуратно нашитым на рукаве «минусом» – зна-

ком первого курса – сидит безупречно, сапоги блестят. Руки сжимают АК-74 – первое в жизни боевое оружие, из которого накануне каждый отстрелял по три патрона на полигоне в Тарском. Слова присяги вызубрены так, что стоят перед глазами: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик...»

Из-за облаков вышло солнце, расплылось в глазах зеленоватыми пятнами, высветило россыпь веснушек на лице высокого парня, стоящего третьим в шеренге. Он невольно зажмурился.

За первокурсниками наблюдали их родители. Сергей успел пробежать по толпе взглядом, пытаясь отыскать родное лицо. Да вот же он – дед. Надел свой парадный костюм с наградными планками. Сергей просиял. Он присмотрелся к тем, кто стоял рядом. Это были незнакомые ему люди.

После присяги фотографировались на фоне знамени. В центре – курсант, справа и слева – родители. Сергей встал рядом с дедом и улыбнулся.

В роте командир подписывал увольнительные – до полуночи. Поезд у деда был вечером, и они целый день гуляли по городу. Заглянули в знаменитый дендрарий, полюбовались Тереком, посидели в кафе на улице Горького. Сергей много рассказывал об училище, он был на седьмом небе от счастья. Прощаясь на вокзале, дед снял с руки часы и отдал внуку.

– Меня они никогда не подводили. Пусть теперь тебе послужат. Будет о деде память.

– Я тебя никогда не забуду! – Сергей порывисто обнял деда. – И бабушку тоже! Вы столько для меня сделали!

Дед закашлялся.

– Ох и силен же ты стал! Чуть ребра мне не поломал, – он улыбнулся. Потом вдруг стал серьезным.

– Теперь ты своей жизни хозяин. Ты дорогу выбрал, тебе по ней идти. Найди себе хороших друзей, вместе и дорога легче, и с пути не собьешься. Непростые времена наступят...

В тот год перед поступлением они с дедом не раз говорили на эту тему. Страна менялась. Это было заметно не только по передовицам газет, с которых не сходили слова «перестройка», «гласность» и «ускорение». Вдруг стали расти цены, вначале на алкоголь (это еще было понятно: Горбачев объявил беспощадную войну зеленому змию), потом почему-то на мясо, потом из магазинов пропал сахар (его скупили самогонщики, которые с энтузиазмом принялись восполнять дефицит напитков на прилавках). Наконец, совсем уж необъяснимым образом с полок стали исчезать мыло, конфеты, куртки, обувь... Вдвое подорожал бензин. Дядя Петя, шофер с автобазы, который на своем ЗиЛ-130 привозил им дрова, клял Горбачева и травил свежие анекдоты.

– Что такое: хвост длинный, глаза злые, а яйца – маленькие и грязные?

Он обводил сидящих за столом озорным взглядом – и через вахтанговскую паузу сообщал громким шепотом, как военный секрет:

– Очередь за яйцами по 90 копеек!

Он был не прочь опрокинуть стопку-другую «беленькой». Но никогда не напивался и не курил. У Сергея в классе курили уже почти все мальчишки.

– Серега, – говорил он, аппетитно хрустя маринованным огурцом, – никогда не кури, даже не пробуй – это такая зараза! Выпить иногда можно, но немного. И вина не пей, лучше водочки.

Рекомендация была излишней. Дед застолий не признавал, праздники отмечали скромно. К тому же детей на Кавказе за общий стол не сажали, во всяком случае, надолго. И Сергей не был исключением.

После ужина за столом проходил «семейный совет»: подводили итоги дня, обсуждали новости, намечали планы на завтра. Сергей любил слушать эти неторопливые разговоры «за жизнь». О политике почти не говорили, но газеты дед просматривал внимательно и, судя по всему, оптимизма передовиц не разделял.

Весной в «Адыгейской правде» была большая статья о суде над преступниками, которые в прошлом году взяли в заложники детей и учительницу и, угрожая сжечь их заживо, угнали самолет в Израиль⁶. Отложив газету, дед сказал в за-

⁶ Захват заложников произошел 1 декабря 1988 года в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Суд над преступниками состоялся в марте 1989 года, все пятеро получили различные сроки тюремного заключения. Подробнее об этих событиях можно прочитать во втором издании книги Алексея Филатова «Крещенные небом».

думчивости:

– Вот откуда такие берутся? Вроде среди людей живут, а хуже зверей стали. И что им этот срок? Главный-то ихний три раза уже сидел, и что – исправила его тюрьма? В нем от человека-то ничего не осталось, одно обличье. Таких к стенке надо ставить – как фашистов, которые в деревнях людей сжигали.

Тогда Сергей впервые задумался: смог бы он кого-то убить? Даже такого подонка, как этот Якшиянц. Он долго ворочался в кровати, но так и не смог представить себе, как стреляет в живого человека.

Вот и теперь, возвращаясь в училище, он вспоминал эту историю. Ведь она произошла где-то здесь, на этих улицах. Как бы поступил он, если бы на его глазах бандиты захватили детей? Смог бы он помешать им? Хватило бы у него решимости, умения, хладнокровия? Он невольно сжал кулаки и вдруг подумал, что ради спасения этих детей не жалко отдать жизнь. И дед наверняка гордился бы им.

Сергей взглянул на дедовы часы и прибавил шаг.

* * *

– Курсант Шутов!

– Я!

– Получите у старшины мыло и ветошь для уборки помещения.

– Есть получить ветошь и мыло! Разрешите идти?

– Идите. И загляните в спортзал, передайте капитану Завгороднему, что его ждут на КПП.

Была суббота. Это означало, что до обеда в училище ПХД – парково-хозяйственный день. Водители-срочники поливали из шланга бока автомобилей, до блеска натирали колеса солярой и тайком покуривали, выглядывая из-за дверцы кабины – не идет ли начальство; повара гремели посудой и гоняли молодых по кухне в поисках ускользнувших от внимания дежурной смены пятен жира и комочков мыльной грязи; котельщики привычно исчезали в хитросплетениях труб и задвижек, а киномеханик, запершись в своей будке с надписью «Посторонним вход воспрещен!», снимал с киноаппарата пару деталей, доставал из щитка заначку – банку сгущенки, батон хлеба и пачку чая, опускал в воду кипятильник из двух бритвенных лезвий и до обеда занимался «регламентным обслуживанием киноаппаратуры». Отвечать за срыв вечернего показа фильма никто не хотел, поэтому его не трогали.

Шутов был курсантом и в ПХД работал вместе со всеми: подметал плац, подкрашивал выставленную на постаментах военную технику, наводил порядок в казарме. Уборку в роте делали каждый день, а по субботам натирали паркет и капитально драили все, что можно было надраить, – перила, батареи, тумбочки и, конечно, нехитрую армейскую сантехнику. Мыла уходило много – его разводили в тазике с водой,

настрогав штык-ножом. За три года, что он провел в училище, мытье казармы стало почти таким же привычным ритуалом, как чистка сапог или полировка пряжки ремня куском шинельки с зеленой пастой ГОИ.

Сергей шагал к спортзалу, щурясь от палящего солнца, его светлая кожа не принимала загар, а только краснела и слезала как змеиная чешуя. Поэтому фуражку, которую он носил в увольнении, он любил больше, чем пилотку. Впрочем, в город их отпускали редко, да и сам он не рвался: знакомых у него здесь не было, зато шанс познакомиться с местной шпаной, которая применяла излюбленную шакалью тактику – нападать стаей, был вполне реален. Причины конфликтов были сколь просты, столь и неискоренимы. Во-первых, курсанты в основном прибывали из чужих краев, что уже само по себе являлось поводом для выяснения отношений, а во-вторых, составляли местным заметную конкуренцию на любовном фронте. Но увольнительная на завтра уже лежала у него в кармане и он прикидывал, куда пойти: погулять по городу или закатиться в видеосалон. С одной стороны, хотелось посмотреть новый боевик, с другой – обидно в такой хороший день сидеть в душной темной комнате.

Проходя мимо бассейна, Сергей вдруг застыл как вкопанный. Около воды нежились на солнышке, потягивая газировку, раздетые до трусов качки в модных солнцезащитных очках. Казалось, они не замечают никого вокруг и находятся не в воинской части, а в санатории на берегу моря. Во время

ПХД от работы освобождались только больные да смена наряда, а уж кому хватило бы наглости вести себя так вызывающе, Сергей не мог и представить.

Подойдя ближе, он заметил, что рядом с качками тускло отсвечивают настоящие кольты в потертых кобурах. Он сразу узнал их, хотя прежде видел такие пистолеты только в американских фильмах и в книге «Вооружение иностранных армий», которую в прошлом году брал в библиотеке училища.

– Ты чего хотел? – спросил один из качков, приподняв очки.

– Ничего, я так...

– Какой курс? – он вытянулся, чтобы взглянуть на нашивки.

– Третий. А вы?

– А нас с шестого выперли, – мужики заржали.

– В смысле, вы откуда? Это ведь кольты, да? – Сергей кивком показал на оружие.

– Группа «Альфа», слышал о такой?

– Слышал, конечно. Недавно в газетах писали.

– Тогда понимать должен. У нас тут секретное совещание. Свободен.

Качок надел очки. Сергей отошел, так и не поняв, шутили с ним или говорили всерьез.

* * *

Воскресенье выдалось солнечным, и он отправился гулять по городу. На проспекте Мира у входа в парк кто-то громко выяснял отношения. Вокруг уже начала собираться толпа. Сергей подошел ближе и узнал одного из вчерашних качков у бассейна. Он был в спортивном костюме. Путь ему преграждал сержант милиции, который был ниже ростом, но крепкого телосложения.

– Я все-таки попрошу вас, гражданин, предъявить документы. – Милиционер окинул взглядом толпу, словно призывая ее в свидетели. – Иначе...

Он сделал многозначительную паузу. Но должного эффекта она не произвела.

– Иначе что?

– Иначе я буду вынужден вас задержать...

Не успел милиционер закончить фразу, как в щеку ему уперся пистолет. Толпа охнула и отшатнулась. Второй рукой парень в темных очках достал из кармана ксиву и ткнул здоровяку в лицо.

– Прошу прощения, вы свободны, – хрипло произнес тот.

– Это ты свободен, сержант.

Сергей разглядел, как кольт нырнул в кобуру, почти незаметную под просторным спортивным костюмом. Один из наблюдавших за сценой пацанов присвистнул:

– Ничесе! Видал, какой у него пистолет!

Другой мигом подскочил к нему, ловко обхватил сзади, прижав к виску воображаемый ствол.

– А вот тебе документы!

Засмотревшись на них, Сергей не заметил, куда исчез его новый знакомый.

– Интересно все-таки, кто он такой? – задумчиво произнес один из мальчишек.

– Секретный отряд по борьбе с терроризмом, – негромко отчеканил Сергей, поправляя фуражку.

– А ты откуда знаешь?

– Служим рядом, – ответил он гордо.

* * *

Курсант Шутов дежурил на КПП, когда услышал вдалеке рев мотора и визг покрышек. Потом хлопнул выстрел, другой. «Кто это тут из ПМа палит?» – удивился Сергей и выскочил на улицу. К воротам неся их уазик, из него что-то кричали и махали руками. Вдалеке показалась милицейская «шестерка» с включенной мигалкой на крыше, она тоже летела на полной скорости. Оттуда раздался еще один выстрел. «Это что, погоня?» – Сергей оторопел. Ему показалось, что он смотрит вчерашний боевик.

Уазик подлетел к воротам. Он узнал ребят из «Альфы».

– Открывай! Свои!

Сергей впустил машину, едва успев закрыть ворота перед носом ментов. Те, матерясь, выскочили из «шестерки», пару раз пнули тяжелые ворота, потом развернулись и уехали.

– Не растерялся, рыжий! Наш человек, – «альфовец» одобрительно хлопнул Сергея по плечу. Его друзья ржали, обсуждая погоню.

– Супергерои! – подумал Сергей. – Как в фильме, только настоящие.

В тот же день он решил, что должен попасть в «Альфу».

МОЛОДОЖЕНЫ

В кабинет командира части вошел молодой лейтенант – рыжеволосый веснушчатый парень с зелеными глазами.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Выпускник Орджоникидзевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени маршала Советского Союза Еременко лейтенант Шутов. Представляюсь по случаю назначения меня на воинскую должность в полк для дальнейшего прохождения службы!

– Так-так. – Командир отложил папку с личным делом. – Значит, из ОрджВОКУ, да еще с золотой медалью? Очень хорошо. Родичева застали? Мы с ним вместе учились.

– Так точно, застал. Мы все его любили. Отличный был преподаватель.

– И отличный офицер. Как он в Афгане воевал!

На столе зазвонил телефон. Полковник снял трубку.

– Да, слушаю тебя. Подожди, я сам сейчас зайду. – Он встал из-за стола. – Посидите тут минутку, я сейчас вернусь.

Сергей остался один. На стене кабинета висели вымпелы за победы в спортивных соревнованиях, на полке в шкафу

стояли кубки и грамоты. «Награждается... – разобрал он, – за победу на турнире по рукопашному бою...» На столе был порядок: перекидной календарь, несколько картонных папок с тесемочками, письменный прибор. Рядом с прибором стояла зажигалка, переделанная из гранаты Ф-1. Он вспомнил учебные гранаты, которые они разбирали на занятиях в училище. И тот день, когда им объявили о гибели Родичева.

Он погиб в Тарском, где находился учебный центр. Во время осетино-ингушского конфликта на учебку не раз нападали, и было решено оградить территорию четырехметровым рвом, а ближние подступы защитить минными полями. Чтобы избежать случайных жертв, для наружных заграждений использовали имитаторы мин: шума от них много, но осколков нет. И только по внутреннему периметру были установлены настоящие мины – для тех, кого не остановили ни надписи, ни ров, ни взрывы.

По весне, когда конфликт закончился, приступили к разминированию. Мины не извлекали: пролежав в мерзлом и мокром грунте, они становились опасными: среди них могли находиться не сработавшие только из-за того, что замерз ударно-спусковой механизм взрывателя. Поэтому обезвреживали их подрывом. Офицеры-подрывники устанавливали на мины накладные заряды и прятались за танком.

Родичев, опытный подрывник, работал на своем участке. Вряд ли кто считал, сколько мин-ловушек обезвредил он за свою жизнь, сколько хитроумных сюрпризов разгадал,

сколько жизней спас. Не считал и он сам. Взрыв, от которого он однажды чуть не погиб, оставил на его лице неизгладимые отметины – как напоминание о том, что ошибок война не прощает.

Да, иногда судьба, вопреки пословице, дарит саперу второй шанс. Но в этот раз он не ошибся, нет. Взрыв прогремел в тот момент, когда он только наклонился над очередной миной: оттаял тот самый замерзший взрыватель. Случись это минутой раньше или минутой позже, скорее всего, Николай Семенович был бы жив.

Когда в училище пришла весть, что полковник Родичев погиб, курсанты не могли поверить, что их любимца не стало. Весь день Сергей и его сокурсники ходили как в воду опущенные.

Последнее занятие было по тактике. Тактику вел подполковник Смирнов, боевой офицер, ветеран Афганистана, хотя на вид казалось, что ему нет и тридцати. В класс он вошел, как всегда, подтянутый и энергичный и с увлечением начал объяснять новый материал. Курсанты сидели с хмурыми лицами и слушали вполуха.

– Курсант Пальников! Доложите порядок использования приборов ночного видения и светомаскировки при движении ночью на марше.

– При движении на марше... В ночное время... Необходимо обеспечить... – он опустил голову и замялся.

– Что вы там мямлите? Курсант Ивашов! Тот же вопрос.

– Товарищ подполковник!

– Что такое?

– Разве вы не знаете? Полковник Родичев погиб. Мы все его так любили!

По классу прошел одобрителный гул. Действительно, какие занятия могут быть в такой день!

Того, что произошло дальше, не ожидал никто.

Смирнов обвел взглядом понурившихся курсантов, в его глазах сверкнула сталь. Он начал говорить, и каждое слово жгло как раскаленный металл.

– Вы что себе вообразили, вашу мать? Вы зачем сюда пришли? Чтобы на парадах красиво ходить, в белой рубашечке, в позолоченных погонах? Перед девками выламываться? Так вы эту дурь из башки выкиньте. Сопли тут развели, щенки вислоухие. Вы что, только узнали, что офицеры иногда погибают? Думаете, после училища легкая жизнь начнется? Да многих из вас почти сразу убьют. Со временем, может, и всех. А кто хочет выжить, слушайте, чему вас, дураков, учат. И запоминайте. Времени у вас осталось – с гулькин нос.

В классе повисла мертвая тишина. Щеки Сергея горели от стыда. Прав Смирнов, на двести процентов прав. Вот силаща – за минуту так мозги вправить! Жестко, но зато до печенок. Сергей вспомнил слова деда: «Офицер – этот тот, кто в любой момент готов отдать свою жизнь». Оказывается, до сегодняшнего дня он по-настоящему так и не прочувствовал их. Как, наверное, и слов Присяги, которую помнил на-

изусть. По лицам своих товарищей он видел, что в них тоже происходит эта перемена. Остаток занятия прошел на ура. Авторитет Смирнова взлетел до небес.

– Ну, Шутов, – командир части быстрым шагом вошел в кабинет, – принимайте должность замполита первой роты. Ребята как на подбор, взводные молодые, сами только из училищ, думаю, проблем тут не будет.

Сергей растерялся. Такого он не ожидал. В училище их кумирами были преподаватели по тактике и огневой подготовке – в основном боевые офицеры, которых уважали и курсанты, и командиры. Своего отношения к замполитам они не скрывали, считая их бездельниками и паразитами на теле армии, которые никакой реальной помощи в воспитании командиру не оказывают, а только норовят ущучить, докладывая начальству о своих наблюдениях и подозрениях, – то есть, проще говоря, стучат, пытаясь оправдать свое существование. Конечно, были среди них и хорошие люди, достойные офицеры, но редкое исключение лишь подтверждало правило. Сергей на всю жизнь запомнил слова своего ротного: «Кто такой замполит? Неудавшийся командир взвода». Это была правда. Сергей не раз замечал, что взводного, который не мог справиться со своими обязанностями, назначали замполитом роты. И что удивительно: звезды на его погонах росли куда быстрее, чем у боевых командиров. Однако уважения это не прибавляло.

Офицеры не боялись выражать свое отношение откры-

то. Курсанты такого позволить себе не могли. Но одна шутка, которую как-то раз устроили третьекурсники, повеселила все училище.

Их замполит был помешан на порядке и выискивал нарушения с редким рвением. Во время занятий он обходил помещения, шарил под матрасами, заглядывал в прикроватные тумбочки с личными вещами и даже в карманы висевших в шкафу у входа шинелей. А еще он обожал проводить воспитательные беседы, и чаще других в них встречалось слово «железный»: «у вас в головах и в тумбочках должен быть железный порядок», «железная дисциплина – основа армии», «каленным железом мы будем карать тех, кто...» и тому подобное. За глаза его называли Железный Феликс, как старинный арифмометр, который каким-то чудом сохранился в сапожной мастерской училища, – тем более что и имя совпадало.

На развод Железный Феликс всегда выходил одним из последних, на ходу застегивая португую и отворот шинели. На этом и строился тонкий расчет. Утром перед построением курсанты незаметно прикололи за отворот шинели вырезанный из жести крест, наподобие немецкого. Замполит на ходу привычно застегнулся и предстал перед строем в полной красе – с бутафорским железным крестом на груди. Курсанты стояли по стойке смирно, еле сдерживая смех. Железный Феликс ничего не заметил. Но самое удивительное, что не заметили и командиры. Или сделали вид, что не заметили.

И вот теперь ему предлагают стать замполитом. Нет, только не это! Сергей решил идти напролом.

— Я, конечно, рискую, — заговорил он, чувствуя, как краска заливает лицо, — но поймите меня, товарищ полковник! У нас в училище боевые офицеры замполитов ненавидели, и так меня воспитали. Если кто-нибудь узнает, что я стал замполитом... Не позорьте, товарищ полковник! Пошлите куда угодно, на любую должность, только не замполитом.

Командир части не скрывал удивления. Но ответил спокойно:

— Ишь ты какой! А куда я тебя пошлю? Взводные все назначены. Ты что, в РМО⁷ пойдешь?

— Да хоть куда!

— Ну смотри, сам выбрал.

Полковник внимательно посмотрел на Сергея, словно портной, который хочет снять мерку, потом что-то записал в ежедневник.

— Лейтенант Шутов, назначаетесь командиром второго взвода роты материального обеспечения. К обязанностям приступаете с завтрашнего дня. Приказ получите в кадрах после обеда. Ротного сегодня не будет, представлю вас завтра. Если вопросов нет, свободны.

Сергей с радостью покинул кабинет. Теперь надо идти устраиваться в общежитие. На лавочке возле штаба ждала Света, его жена.

– Все хорошо? – спросила она с улыбкой.

– Все отлично! – Сергею хотелось подхватить ее и закружить, как месяц назад, когда они решили пожениться. Но тут была воинская часть, а не аллея парка, поэтому Сергей подхватил вещи и они зашагали к панельной трехэтажке.

* * *

Все началось после второго курса.

Сергей приехал в отпуск, и как-то вечером бабушка завела с ним длинный разговор. Суть его сводилась к тому, что к концу учебы у него должна быть жена.

– Ты послушай, – втолковывала она ему, – я за свою жизнь по гарнизонам намаялась, знаю, что говорю. Вот, положим, придут в часть два молодых лейтенанта: один женатый, другой холостой. Первый утром вышел из дома – накормленный, наглаженный, начищенный, счастливый. А холостой – сытый, голодный, глаженный, неглаженный, – кто его знает. После службы первый домой придет, там жена его ждет – накормит, приласкает, спать уложит, рубашки постирает, погладит. Ему – никаких забот, кроме как о службе да о солдатах своих. А холостой? Дома еды нет, надо купить, приготовить, все хозяйство на нем. А если к бабе какой пойдет, там и выпьет, и заночует. В часть придет с запахом, помятый, небритый. Раз так придет, другой, третий. Командир на заметку: вот один офицер – всегда ухоженный, аккуратный, на

службу не опаздывает, все у него получается, а другой – не пойми что: то с запахом придет, то опоздает, неряшливый, неспавший. Кому роту дадут? Первому и дадут. Потом, глядишь, и батальон. А второму – шиш с маслом. Так я говорю? – оглянулась она на деда.

Тот кивнул. После второго инсульта он был еще слаб.

– А еще – вот что, – продолжала бабушка, – в гарнизоне неженатый офицер – лакомый кусок. Сожрут – и не заметишь. Там девок много: кого замуж еще не выдали, а какие и разведенные, с квартирой от мужа сбежавшего остались; так молодых да холостых и мамыши обихаживают, и девки к ним липнут – попробуй оторви, а кто их разберет, кто они и что? В такую историю можно попасть – света белого не взвидишь. Так что выбирай себе жену здесь, пока время есть. Присмотрись, девок хороших много.

Бабушка говорила дело. К женитьбе Сергей относился положительно, но прежде серьезно о ней не задумывался.

Вскоре к ним в дом зачастили гости: кто за молоком, кто за книгой, кто ставить деду уколы. Шел ли он в магазин, выводил ли на прогулку собаку, случайные знакомства возникали как по волшебству. «Ну, бабушка! Смотрины мне устроила», – усмехался про себя Сергей. Девушки заговаривали с ним, он отвечал, иногда провожал до дома, но все это было не то – ни одна не тронула его сердце.

Сергей помогал по хозяйству, читал, ходил купаться на реку. Отпуск пролетел незаметно. А когда началась учеба,

мысли о женитьбе и вовсе вылетели у него из головы. Так прошел год, начался последний курс.

К разговору вернулись зимой, когда Сергей приехал в очередной отпуск. До окончания училища оставалось пять месяцев, и бабушка беспокоилась уже всерьез, хотя виду не подавала. Ее мудрость подсказывала, что давить в таких вопросах не стоит. У нее созрел свой план. А в стратегии и тактике офицерские жены разбираются порой не хуже своих мужей – только, как истинные стратеги, не кичатся своим умением.

У Сергея заболел зуб. В своей поликлинике он хорошо помнил всех врачей и медсестер еще по школьным годам, а они помнили его. Когда он вошел, врач мыла руки в раковине у двери. В глубине кабинета у окна сидела стройная темноволосая девушка в белом халате.

– Здравствуйте, Ирина Федоровна! – поздоровался Сергей.

– Здравствуй, Сережа! – ответила врач, вытирая руки. – Проходи, садись. Это Света, наш стажер, – она кивнула на девушку.

Сергей откинул голову на жесткий подголовник и почувствовал, как забилося сердце. Раньше оно всегда билось, стоило ему оказаться в этом кресле. Но в этот раз оно забилося по-другому. Он не замечал ни разложенных на столике блестящих инструментов, ни суставчатого щупальца бормашины с полосатым шнурком на роликах, ни склонившейся над ним Ирины Федоровны, которая его о чем-то спрашивала.

Он смотрел на девушку и видел только ее. И сердце подпрыгивало в груди незнакомо и радостно.

– Так рот будем открывать или как?

Сергей услышал наконец строгий голос врача и вспомнил, зачем он здесь.

Экзекуция началась. Сергей старался не терять из виду девушку, но получалось плохо.

– Света, подай мне другой набор из шкафа, – сказала врач.

Девушка подошла к шкафу, взяла коробку, вернулась к креслу. Ее походка тоже завораживала.

И тут Сергея как обухом по голове ударило: «Неужели меня втемную нахлобучили? Ай да бабушка, ай да конспиратор!» Но сердце подсказывало, что на этот раз, похоже, она попала в десятку. Света понравилась ему с первого взгляда, и чем дольше он смотрел на нее, тем яснее понимал, что это его судьба.

Он не заметил, как врач закончила с зубом и выключила лампу.

– Два часа холодного и горячего не пить, до вечера не есть, – услышал он привычное напутствие.

Он встал с кресла, оглянулся. Света смотрела в окно. Она не нашла ничего привлекательного в этом рыжем долговязом парне, да еще с синюшными с мороза щеками, и с удивлением обернулась, когда тот вдруг попросил телефон.

Накануне, когда бабушка Сергея заглянула к ним в гости, она сразу предупредила: «Ежели он тебе не приглянется, го-

лову ему не морочь, авансов не раздавай, а то только время впустую потеряет».

Света назвала номер телефона поликлиники. Продолжать знакомство она не собиралась.

Но на следующий день в кабинете стоматолога раздался звонок. Это был Сергей.

– Молодой человек, мне некогда, я на работе! – Свету начинала сердить непонятливость нового ухажера. К тому же двое однокурсников уже давно добивались ее внимания, и этот третий тут был явно лишний.

– Тогда я буду ждать тебя после работы. Ты какие цветы любишь?

Света положила трубку. Настырность рыжего курсанта немного пугала ее. Весь день она надеялась, что он не придет встречать ее вечером. Но он пришел – с огромным букетом цветов.

– Ты так и не сказала, какие тебе нравятся, поэтому я разные принес – выбирай!

– Мне домой надо.

– Вот и хорошо, дома выберешь. А я тебя провожу. Надо же мне узнать, какие ты любишь!

От такого напора Света растерялась.

– Хорошо, проводи.

По дороге они разговорились. Напористый парень оказался интересным собеседником, да и щеки его уже не синели: мороз спал.

Все оставшиеся до конца отпуска дни они встречались, а когда Сергей уехал в училище, каждую неделю писали друг другу письма. Поженились они накануне своих выпускных, и в часть молодой офицер приехал с супругой – молодым врачом.

С чемоданом и объемистым узлом в руках Шутовы зашли в общежитие. Бабушка собирала их в путь со знанием дела и с офицерской сноровкой. То, что не уместилось в чемодан – кастрюли, миски, сковородки, – она поставила на стол и ловко связала концы скатерти. Такие узлы Сергей видел в кино про войну. Но тащить его оказалось даже легче, чем чемодан: узел можно было закинуть на плечо, как рюкзак.

Комендант выделил им комнату на первом, «семейном» этаже. В коридоре витал запах одеколона. За стенкой раздавался богатырский храп: должно быть, кто-то отсыпался после дежурства. В открытое окно долетали обрывки команд – рота строилась на обед. Сергей повернул ключ и распахнул дверь.

Посередине комнаты с пожелтевшими обоями в ромбик стоял стол на железных ножках. Судя по сигаретным отметинам и выжженным кругам на столешнице, он пережил не один десяток постояльцев. Из угла на вошедших глядел пустыми полками грубо сколоченный шкаф; на его распахнутой дверце тускло отсвечивал распятый на четырех гвоздях мутный прямоугольник зеркала – жалкий намек на роскошь. В другом углу расположился низенький холодильник с выве-

денным на боку коричневой краской инвентарным номером. Меблировку дополняли два школьных стула и две сетчатые кровати вдоль стен. «Хорошо хоть не двухъярусную кровать поставили», – мелькнуло у Сергея.

– Жить можно, – он посмотрел на молодую жену.

– Ну конечно, Сережа.

Света обняла мужа. После свадьбы бабушка Валя успела обстоятельно с ней побеседовать, поэтому увиденное не стало для нее шоком.

– Пойду узнаю, где тут вода, тряпки и все такое. Тебе что на ужин приготовить?

СВИНАЯ РОТА

Остаток дня заняли формальности: строевое отделение, кадры, финчасть, вещевая служба... Вечером Сергей зашел в спортзал. Он привык отдыхать, занимаясь спортом. В спортзале можно выпустить негатив, накопившийся за день, разогнать кровь по телу, подумать о завтрашнем дне. Он старался поддерживать форму, и клубки мускулов с веревками сухожилий на его поджарой фигуре были тому подтверждением. Размявшись, Сергей навесил на штангу 50 кило и стал делать выпады. В другом углу зала боксировал высокий мускулистый блондин. Сергей увидел его и застыл. Блондин двигался так, будто парил в воздухе. Как пантера, которая неслышно преследует добычу. Такой легкости, ловкости и такого удара он еще не видел.

– Совершенный боец! – восхищенно прошептал Сергей.

Когда блондин, закончив боксировать, проходил мимо Шутова, тот окликнул его.

– Сергей, – он протянул руку.

– Антон, – блондин ответил крепким рукопожатием.

Шутов поймал себя на том, что пытается вспомнить, где он видел это лицо, и тут его осенило:

– Слушай, ты же вылитый Дольф Лундгрэн из «Универсального солдата»⁸.

– Знаю, – улыбнулся Антон. – Ты не первый, кто это заметил. Сегодня приехал? Я тебя раньше не видел.

– Да, сегодня утром.

– Что закончил?

– Орджоникидзе, во Владикавказе. А ты?

– Здорово. А я Верховного Совета⁹.

– Ничего себе!

– Привет, я Сабит, – протянул руку напарник Антона по спаррингу. Это был невысокий кряжистый азербайджанец. На вид ему было под тридцать.

– Сергей.

Они пожали руки.

– Слушай, ты назначение уже получил?

– Да, в РМО.

⁸ Научно-фантастический боевик 1992 года с Жан-Клодом Ван Даммом и Дольфом Лундгреном в главных ролях.

⁹ Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. В то время – одно из самых престижных военных учебных заведений в стране.

Антон и Сабит переглянулись.

– Поздно ты приехал, хорошие должности уже раздали, – покачал головой Антон. – Свиная рота не подарок.

– Свиная? – переспросил Шутов.

– У нас ее так называют. Водители, повара, рабочие сви-
нарника – этих больше всего, – пояснил Сабит. – Не очень-
то военный народ. С ними тут никто не может справиться.
Взводных-то нет, одни ВРИО¹⁰. Там одни деды, вконец обор-
зевшие. На офицеров им плевать. В общем, завтра сам уви-
дишь. Трудно тебе будет. Но если с ними справишься, смо-
жешь справиться с кем угодно.

– Если нужна помощь, приходи, – добавил Антон. – Мы
живем вместе, второй этаж, комната 22. Богданов моя фами-
лия.

– А мы с женой – на первом, в восьмой. Шутовы. Всегда
будем рады.

Антон с Сабитом ушли. Сергей еще долго тягал штангу
в жиме лежа, потом пошел отрабатывать удары по мешку,
вспоминая, с какой легкостью и виртуозностью наносил уда-
ры Антон. Надо будет напроситься к нему в спарринг, решил
Сергей.

* * *

Незадолго до подъема лейтенант Шутов поднялся в роту.

В казарме царил бардак. Одежда лежала на табуретах бесформенными кучами, нечищенные сапоги источали сложный букет запахов прелых ног, навоза и помоев, а куски отвалившейся с подошв и засохшей грязи он заметил еще на лестнице. На спинках кроватей проветривались неопределенного цвета портянки, добавляя и без того тяжелой атмосфере свою ноту аромата. На тумбочках валялись сигареты, засаленные карты, какие-то промасленные газеты. Под ногой Сергея хрустнул раздавленный сухарь.

Он вернулся ко входу. Пост дневального был пуст. На тумбочке стоял грязный стакан, рядом – мятая жестянка с окурками. Шутов распахнул дверцу тумбочки. Так и есть: тут покоилась заросшая чайным налетом трехлитровая банка со свежими остатками заварки, рядом лежал эрзац-кипятильник из бритвенных лезвий с мотком провода.

Однажды в училище такая же находка в автороте стала причиной громкого – в прямом и в переносном смысле – скандала. Собственно, дело было не в самой банке – все знали, что солдаты-срочники гоняют чай, – а в фатальном стечении обстоятельств. После завтрака молодой комвзвода обходил помещение и, обнаружив в тумбочке дневального запрещенный предмет в виде наполненной свежезаваренным горячим чаем трехлитровой банки, в порыве праведного гнева вышвырнул его в открытое окно. Однако за смачным шлепком и звоном стекла последовала порция отборного мата. Оказалось, что трехлитровка чуть не угодила в проходив-

шего по территории части зампотылу. Будь выпущенный им заряд ругани прицельным, вряд ли от виновника осталось бы что-то большее, чем мокрое место под окнами казармы. Но окна были пусты, и раскаты трехэтажного мата, многократно отразившись от стен двухэтажного здания, постепенно умолкли. Лейтенант проставился, инцидент был исчерпан. Говорят, что после того случая горячности в молодом командире поубавилось, хотя чаев в роте гонять меньше не стали.

Банку и кипятильник Шутов отнес в туалет. Когда он вернулся, пост дневального был по-прежнему пуст, а в глубине казармы двое сонных солдат лениво напяливали на себя заношенное, в пятнах жира, хэбэ¹¹. «Дежурные повара, – догадался Шутов. – Эти сами встают. Попробуй оставь часть без завтрака – мало не покажется!»

Он вспомнил, как впервые оказался в наряде по кухне. Наряд этот был двух видов – чистка картошки и уборка со столов с мытьем посуды. Мойщики посуды весело брызгались, носясь вокруг огромной посудомойки по прозвищу «дискотека» и стараясь не обвариться кипятком. На картошке, куда попал Сергей, был свой агрегат – картофелечистка, которая тряслась не хуже «дискотеки», а после каждого цикла сплевывала пенящуюся крахмальную жижу. В углу, куда вел слив, караулили жирные крысы – похоже, питались они не

¹¹ Х/б – хлопчатобумажная ткань, сокращенное название комплекта повседневной солдатской формы.

хуже людей. Сергей не понимал, как дома дед мог запросто ловить этих тварей руками, – сам он опасался к ним приближаться. Впрочем, здешние крысы держали дистанцию и работать курсантам не мешали.

Если картошка была ровная, оставалось лишь выковырять из нее глазки; если же клубни были бугристые, возиться с ними приходилось куда дольше: такая машина очищала плохо. Когда же она ломалась, чистить три ванны картофеля приходилось вручную.

В первом его наряде картофелечистка сломалась почти сразу. А ножом молодая картошка чистилась с трудом. Сергей работал добросовестно, стараясь снимать только кожуру и тщательно выковыривая глазки, и вспоминал, как впервые взялся за чистку картошки.

– Деда, это нам целую кастрюлю начистить надо? Так много?

– Эх, Сережка, когда-нибудь ты поймешь, что кастрюля – это ерунда.

Теперь он смотрел на эту гору картофеля и понимал, что такими темпами работы им – до утра.

– И зачем мы ее чистим? – вздохнул он. – Она ж, молодая, в мундирях вкуснее.

– Как ты сказал? В мундирях? – курсанты покатались со смеху.

– Ну, в мундирях. Чего вы ржете?

– Ты из какой деревни приехал? – спросил отличник Саня.

– Сам ты из деревни. Я из Майкопа.

– В мундирах! – курсанты гоготали так, что прибежали повара – узнать, что случилось.

– Чего вы пристали? Не знаете, что такое «в мундирах»?

– Все, больше не могу, сейчас умру от смеха, – у Сани на глазах выступили слезы. – Откуда ты взял эти мундиры?

– Бабушка так говорит.

Когда Сергей сообразил, что привычное с детства «в мундирах» означает «в мундире», было уже поздно. С той ночи к нему приклеилось тайное прозвище «курсант Мундира».

Прозвище жгло самолюбие Шутова. Но показать это означало признать, что насмешка достигла цели. Да и не станешь же драться против всего курса!

Вскоре в училище прошла математическая олимпиада, где Сергей занял первое место. Однокурсники стали обращаться к нему за помощью по математике, и обидная кличка отпала сама собой. А после того, как однажды на стрельбище он поразил три мишени с первого выстрела (случайно, конечно), Шутов превратился в Шутера¹². Против такой клички он не возражал.

Словно не замечая присутствия офицера, сонные повара потопали в столовую. Сергей взглянул на дедовы часы на руке: шесть утра – время пробудки. Набрав полную грудь воздуха, он звонко крикнул, как делал это в училище, когда был дневальным:

– Рота, подъем!

Никто не пошевелился. Было слышно, как бьется о стекло проснувшаяся муха.

– Рррррота, па-а-адъем! – заорал он так, что заложило уши.

Скрипнули кровати.

– Это что еще за щегол там кукарекает? – слышалось откуда-то с нижней койки.

Солдаты сонно загоготали. Кто-то грязно выругался.

– Так, быстро встали! Была команда «Подъем!». Я ваш новый командир взвода.

Шутов шагал по казарме, дергая за одеяла и раскачивая кровати.

Вдруг что-то сильно ударило его по уху, сбив фуражку на пол. Он обернулся.

Коренастый солдат с наглой рожей стоял между кроватями и почесывал ляжку. Рядом ухмылялись его сослуживцы. Они с интересом наблюдали, как краска заливает лицо молодого лейтенанта.

Шутов подобрал фуражку.

– Кто кинул сапог? – спросил он тихо.

Солдаты молча лыбились.

Шутов поднял сапог и направился к выходу.

– Сейчас пойдет настучит, – сказал кто-то ему вслед и сплюнул.

– Спорим, что не настучит? – завелся коренастый. – На

три пачки «Примы»?

– Конечно, не настучит, – поддержал его другой. – А то мы сами ему настучим. Правда, пацаны?

Все снова заржали.

* * *

Сергей пытался собраться с мыслями. Щеки его горели от стыда. Хорошо же начинается служба! Мрази. Шакалье. Врезать бы им прямо по улыбочкам их наглым, да ведь нельзя: превышение полномочий, да еще при свидетелях – статья! Да и одному против такой толпы не справиться, он понял это сразу.

Он посмотрел на сапог, который все еще держал в руках. Зачем он его прихватил? Наверняка это не того, кто его кинул. Глупо таскаться с этим сапогом. Он оставил его возле тумбочки дневального.

Конечно, Устав предписывал доложить о происшествии начальству. Нападение на офицера – это тоже статья. Но это означало расписаться в своей беспомощности. Жалобами да докладными авторитет не завоеешь.

Он шел по плацу и пытался представить, как поступили бы офицеры в училище, случись там нечто подобное. Перед ним замелькали лица преподавателей и командиров – то добрые и веселые, то сосредоточенные и строгие, но всегда спокойные и уверенные. Нет, такого там просто не могло слу-

читься! Офицеров курсанты уважали. Некоторых – боготворили. И уж, конечно, курс молодого бойца не прошел даром: те, кто его выдержал, научились подчиняться приказам без лишних раздумий и воспринимать то, что поначалу казалось чистым садизмом, как очередную тренировку – тела или психики, а чаще и того, и другого.

– Серега! Шутов!

Он обернулся.

– Перед ним стоял, улыбаясь, Антон Богданов. За его спиной, у казармы, строилась боевая рота по форме номер три – на утреннюю зарядку.

– Здорово, Антон!

– Ты куда это бредешь как потерянный? Взвод свой принял?

– Слушай, тут такое дело... – Сергей замялся. – В общем, ты был прав, помощь твоя нужна.

– Обсудим, Серега. Вот только зарядку проведу.

Он подошел к строю.

– Рота, равняйся! Смирно! Направо! На зарядку бегом – марш!

Сергей смотрел, как солдаты, топая сапогами, бегут по плацу к спортплощадке. Ему стало тоскливо.

* * *

– Правильно, что не стал ввязываться в драку, – Антон

похлопал Сергея по плечу. – Они только в стае смелые. Их надо гасить по одному. Ты, главное, узнай, кто там верховодит, и запомни. А там уж случай представится, будь спокоен.

Случай представился тем же вечером. Главный авторитет среди дедов, рядовой Рябец, был обнаружен со своим дружкой за территорией части в компании особ женского пола. Не обращая внимания на проходивших мимо офицеров, он вожацки тискал своих спутниц и отпускал сальные шуточки. На замечание в свой адрес коренастый крепыш отреагировал, как ему казалось, с особым достоинством: сдвинул пилотку на лоб, выпустил облачко сигаретного дыма и смачно сплюнул.

Но не успел плевок коснуться асфальта, как колени его подогнулись и от боли перехватило дыхание. Стайка подружек мигом упорхнула, и дальнейшая экзекуция проходила без лишних свидетелей. Пока Сергей проводил воспитательную работу с главарем, Антон занимался его дружкой.

Утром они поднялись в роту вдвоем. Дневальный кемарил на табуретке возле поста. В мгновение ока он очутился на полу – на коленях, с заломленной рукой и с зажатым в стальных тисках горлом.

– Считай, что ты убит, – прошептал ему на ухо Шутов. – Твоя рота сейчас будет вырезана. Хорошо, что у вас нет оружия, а то сейчас захватили бы всю часть. Теперь ты понял, зачем ты здесь стоишь?

Дневальный испуганно пучил глаза. Сергей ослабил хват-

ку.

– Уже шесть часов, пора поднимать роту. Считай, что ты воскрес.

Он рывком поставил солдата на ноги.

– Рота, подъем! – хрипло крикнул тот, потирая шею здоровой рукой.

Рота продолжала дрыхнуть.

– Это у них рефлекс еще не выработался, – констатировал Антон. – Ничего, сейчас исправим. Эй, боец, – позвал он дневального, – тащи сюда штук шесть табуреток. Барахло с них можешь скинуть на пол.

Когда батарея табуреток выстроилась у входа, Антон приказал дневальному повторить команду.

– Давай, Серега, на счет три бросаем «гранаты», – он указал на табуретки.

Под грохот «гранат» рота вскочила как ошпаренная.

* * *

– Тебе, Серега, одному теперь ходить нельзя, – сказал Антон, разливая горячий чай по стаканам. – Или со мной, или с Сабитом.

Они сидели в общаге и обсуждали план дальнейших действий. Рядовой Рябец в ближайшие несколько дней опасности не представлял, но его дружки еще хорохорились.

– С ними только так и нужно, – подхватил Сабит. – Зна-

ешь, как я своих приструнил, когда службу начинал? Тоже один офицер подсказал. Мне тогда дали дедов из автороты. Они твари были конченные: какую-то дрянь нюхали, клей «88-й» пили, курили в кроватях, строем вообще ходить отказывались. Сержанта, который их в чувство пытался привести, чуть не изувечили. Что я сделал? Составил учебный план по предмету «рукопашный бой».

– Сабит крут в рукопашке, – пояснил Антон.

– Есть такое дело, – Сабит подмигнул. – В общем, утвердил я этот план у начальства. И вот пришли эти уроды на занятия. Поначалу я, как полагается, объясняю им приемы, все показываю, чин чинарем. А в конце занятия – практика. Вызываю одного из авторитетов на спарринг. Вижу, он рад до смерти, кулаки под перчатками так и чешутся. Ну поиграл я с ним чуток в поддавки, дал ему раздухариться, а потом отправил в нокаут. С двумя другими – то же самое. Так я с ними месяц «занимался». А главное – не подкопаешься. Они у меня шелковые стали.

– Наш ротный в училище говорил, что настоящий командир должен быть немного с придурью, – заметил Антон. – Чтоб подчиненные его побаивались, как гранаты без кольца. Иначе какой же ты командир, если тебя просчитать можно?

– Вот мне рассказывали случай, – оживился Сабит, – как один ротный на полигоне первокурсникам мозги вправлял. Те перед кроссом, как водится, из броников¹³ пластины по-

вытаскивали, чтобы бежать было легче. А командир построил роту и говорит: «Проверьте исправность экипировки и вооружения. В бою это делать будет поздно». Все стоят как ни в чем не бывало, лыбятся. Тот продолжает: «У кого в бронежилете нет пластин, два шага вперед! Строго наказывать не буду, потащите раненого». Ну раненого тащить, сам знаешь, то еще развлечение. Все молчат. Ротный опять: «Я так понимаю, бронежилеты у всех в порядке? Вот сейчас и проверим». Достает он свой ПМ, передергивает затвор и медленно так проходит вдоль строя. Останавливается напротив старшины – и бах ему в прямо в грудь! Тот падает как подкошенный. У курсантов, ясное дело, шок. Старшину ротный переворачивает – тот глазами хлопает – и из его броника пластину достает, с вмятиной от пули. И бойцам: «Вот, дескать, видите: пластины на месте – живой остался. Сейчас остальных проверим...» Курсантов как ветром сдуло: сдрыгнули пластины на место вставлять. И впредь к экипировке относились ответственно. А командира, кстати, с тех пор побаивались всерьез.

– Как же он в живого человека стрелял? – удивился Сергей. – А если бы у того пустой броник оказался?

– Так в том-то и фишка, – рассмеялся Сабит. – Эту пластину с вмятиной каждый год в жилете у старшины находят. А стрелял-то ротный холостым.

– Ты, Серега, проводи с ними завтра воспитательную беседу, – посоветовал Антон. – Вожака мы с тобой загасили,

остальные сами в чувство придут.

На утреннем построении Шутов произнес короткую, но проникновенную речь. Суть ее сводилась к следующему. Если кто-то настолько размечтался о дембеле, что решил на все забить, дембеля он может не дожидаться. Для поддержания дисциплины в распоряжении офицера практически неограниченные полномочия. И каждый, кто давал присягу, под этим подписался. Особо упорных искателей приключений ждет бесплатная путевка на гауптвахту. Для тех, кто не в курсе: гауптвахта – это тюрьма. И порядки там, как в тюрьме. А главное – срок можно продлевать столько, сколько нужно. Так что о дембеле там можно вообще забыть. Куда проще и полезней для здоровья спокойно дослужить и уйти по приказу. Никаких сверхусилий для этого не потребуется: достаточно выполнять распорядок дня, не хамить, отдавать воинское приветствие, поддерживать чистоту и порядок в казарме.

Порядок в «свиной роте» удалось навести на удивление быстро. Похоже, раньше никто всерьез и не задумывался, что такое возможно. Уже через пару дней авторитет в подразделении закрепился за Шутовым. Да и отлынивающий от своих обязанностей ротный, похоже, только обрадовался, что кто-то взял на себя его часть работы, и не возражал против жестких методов воспитания. Еще неделю Рябец со своими друзьями наматывали километры до дальнего КПП, драи-

ли полы и в свободное время полировали до блеска очки¹⁴ в туалете. Но физического воздействия применять больше не пришлось. До идеального порядка было, конечно, далеко, но подъем и отбой теперь проходили вовремя, сапоги были вычищены, полы помыты, а одежда и личные вещи больше не валялись как попало.

ОФИЦЕРСКИЕ БУДНИ

По субботам Антон с Сабитом ездили в город, где в Доме культуры устраивали танцы. Позвали они и нового друга.

– Серега, давай с нами! Выкинь ты из головы свои проблемы! Потанцуешь, расслабишься.

– Не, ребят, не могу, меня Света ждет.

– Ну так бери ее и поедем. Ей тоже, небось, отдохнуть охота. Сидите в четырех стенах.

– Как-нибудь в другой раз. Вымотался я за эти дни, честное слово.

– Ладно, женатик, иди заряжай свои аккумуляторы, но танцы с тебя.

За пару дней Света создала в их комнатке почти домашний уют. Купила ситцевые, в горошек, занавески, на убогий шкаф повесила календарь с черным петухом, вырезанный из-за какого-то журнала, выпросила у коменданта две тумбочки и даже откуда-то приволокла столетник в огромном горшке, который они с Сергеем водрузили на подоконник.

– Вот, всё веселее, да и растение полезное, лечебное, – заключила Света. – Ты что такой серьезный? Тебе не нравится? – смешно сдвинув брови, она посмотрела на мужа.

Сергей сразу оценил и чистоту в комнате, и ровно расставленные ряды книг в шкафу, и стол, в центре которого сейчас стояла большая тарелка с персиками и грушами. «Вот ведь, небось в город на рынок ездила», – подумал он. Поездка в город была непростым делом. Автобус из части отъезжал рано утром и возвращался поздно вечером. Сидячих мест в нем всегда не хватало, а до города было неблизко. Конечно, вернуться можно было на частнике, но те драли за проезд в оба конца – одному не разъездишься.

– Мне очень нравится, – Сергей сделал ударение на слове «очень». – И вообще, не представляю, что бы я без тебя делал!

– Без меня тебе не пришлось бы скручивать проволокой две кровати! – Света звонко рассмеялась. – После ужина поможешь мне с бельем? Чтобы побыстрее. А то стирать приходится в душе, а там их только два.

– Конечно, любимая!

Душевые кабины были только на «семейном» этаже, и вся общага пользовалась ими посменно – мужчины и женщины. В перерывах стирали белье. Барашки от кранов хранились у коменданта, и он строго следил, чтобы обитатели общаги не злоупотребляли водными процедурами. Поэтому для мелкой постирушки использовали раковины, которые были

на каждом этаже.

В тот вечер Шутовы стирали белье долго и весело. Сергей учил Свету, как выжимать его вдвоем, по-армейски. Они брызгались, смеялись, а потом долго целовались в душе.

* * *

Сергея вызвали на медосмотр.

Полная медсестра с пергидролевой челкой и намалеванным ртом смотрела на него, как на врага народа. Судя по ее возрасту, она вполне могла застать те времена, когда врага народа можно было разглядеть в каждом, если хорошенько присмотреться.

– Что встал как истукан? Раздевайся. Портки тоже снимай.

– Почему вы так со мной разговариваете? Кто вам дал право?..

– Рот закрой. Не дыши. Руки поднял. Опустил.

– Прошу не хамить! Как офицер, я требую...

– Ага, требует он. У жены своей будешь требовать, коли невтерпеж.

Медсестра мазнула клеем край медкарты и шлепнула поверх свежий формуляр. Сергей почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

– Причем тут моя жена?!

– Жениться, говорю, было невтерпеж? Ишь наладились!

Не успели звездочки нацепить – уже готово дело. – Медсестра возмущенно колыхнула грудью. – Что стоишь? Одевайся!

– Мы с вами еще поговорим.

– Не сомневаюсь.

Она захлопнула карту и плюхнула ее на край стола.

– Следующий!

Вечером в спортзале Сабит объяснил, что в части идет охота на холостых. Дочки поварих, врачей, бухгалтерш сидят на выданье. Мамаши рвут и мечут, чтобы пристроить их офицерам. А каждый женатик сокращает шансы. Сергей вспомнил бабушкины рассказы. Вот что значит опыт: как в воду глядела!

– Нас с Антоном атакуют со всех сторон. В основном, конечно, его, – Сабит кивнул на Богданова. Его красивое тело блестело от пота, и когда он поднимал и опускал штангу, под атласной кожей, как рычаги механизма, ходили мускулы. – Кадровичка проходу не дает. Дочку свою ему и так, и сяк подсовывает. Спецоперация продолжается по сей день, но успехом не увенчалась.

– И не увенчается, – равнодушно бросил Антон.

– Ты тоже держи ухо востро, – улыбнулся Сабит, глядя на Сергея. – Пытались и женатиков отбить. И даже, говорят, получалось. – Он заговорщицки подмигнул. – Ну что, махнем завтра в город на танцы? Мы с девчонками красивыми познакомимся, а ты посмотришь.

Накануне Света уехала к больной матери, и Сергей не

знал, чем занять себя в эти выходные. На развлечения его не тянуло, но и сидеть одному в пустой комнате не хотелось.

— А черт с вами, поехали!

* * *

Когда Сергей вышел из общаги, друзья его уже ждали. Антон надел джинсы и футболку поло и стал еще больше похож на Дольфа Лундгрена. Сабит в выглаженной военной форме и сверкающих ботинках, казалось, собрался на парад.

— Ого, ничего себе вы подготовились, — улыбнулся Сергей. На нем были серые брюки и клетчатая рубашка.

— Сабит всегда на танцы, как на праздник, — заметил Антон.

— Тебе хорошо, тебя и так девушки любят. А у меня форма — пятьдесят процентов успеха.

— Шестьдесят, — хохотнул Антон.

— Низко же ты ценишь мой врожденный шарм! — воскликнул Сабит.

— Просто форма тебе идет. — Он повернулся к Сергею. — Девушки как увидят голубые петлицы с крылышками, так и падают ему в объятия. А он им сказок наплетет, какой он летчик-налетчик, — и дело в шляпе. Кто там знает, что не только летчики крылышки носят. Вот он форму по назначению и применяет — для дезинформации противника.

В Доме культуры дрыгались под хит группы «Комбина-

ция»: «Американ бой, уеду с тобой, уеду с тобой, Москва, прощай!» В девяностые подцепить иностранца и уехать с ним за бугор было мечтой многих девчонок. Но здесь за неимением иностранцев в фаворе были военные. Как только Сабит появился в зале, в него впились десятки глаз. Антон держался поодаль, оглядывая толпу с высоты своего роста.

После «Американ бой» поставили медляк. Сергей отошел к стене, успев услышать, как Сабит ринулся в атаку: «Девушка, хотите потанцевать с офицером военно-воздушных сил?» Антон пригласил стройную брюнетку в открытом зеленом платье. Сабит, переступая начищенными туфлями, что-то шептал своей девушке на ухо, та от смеха фыркала ему в плечо. Антон вел свою партнершу уверенно и легко, и она податливо двигалась за ним, сливаясь в музыку танца. Молодняк расступался перед красивой парой, и они кружили, казалось, не замечая никого вокруг. Сергей не мог оторвать от них восхищенного взгляда. Он и не представлял, что можно так красиво владеть своим телом. Сам он никогда не танцевал. Он подумал о Свете. Интересно, умеет ли она танцевать? Он хотел бы научиться так же легко кружить с ней под музыку, забыв обо всем на свете.

В динамиках загрохотал новый ритм, пары распались, завертелись цветные прожектора. Кто-то схватил Сергея за руку и втащил в гущу толпы. Во вспышках стробоскопа мелькали застывшие лица, вскинутые над головой руки, изогнутые контуры тел. Сергей тоже поднял руки и подпрыгнул.

Движения показались ему нелепыми. Он представил себя со стороны, и ему стало неловко. Он стоял как столб посередине людского водоворота. «Да чего тут стесняться? – вдруг разозлился он на самого себя. – Ты на танцы пришел, так танцуй, учись, пока никто не видит. Чего зря время терять!» Какая-то пружина отошла внутри, и он услышал голос своего тела: «Освободи, отпусти меня». И он вдруг разом погрузился в этот ритм, улетел куда-то далеко от повседневных забот и переживаний. Мелодия пульсировала внутри, огибала желудок, пробегала по низу живота, щекотала кончики пальцев. Незнакомые лица улыбались ему, а он им. А когда, взмокший и покрасневшийся, он вышел на улицу, его накрыло ощущение счастья. Стояла теплая летняя ночь. Парочки целовались на скамейках парка. Ему хотелось поделиться с кем-нибудь своим счастьем. Он подумал, что в следующий раз обязательно пригласит на танцы Свету. Пусть только ее мама поскорее поправится. А может, и Антон еще подучит его немного.

Сергей вернулся в зал. Виктор Цой пел про группу крови на рукаве. Толпа монотонно топталась на месте, и только Сабит танцевал медляк. Его руки крепко сжимали очередную талию, а губы что-то нашептывали в ухо партнерше.

– Во дает, – улыбнулся Сергей, подойдя к Антону.

– Да, разводит философию, но девушкам нравится. У него цитаты на все случаи жизни – Шопенгауэр, Кант, Паскаль...

– Антон, я в часть. Ты остаешься?

– Нет, я с тобой. Сабит всегда до победного. Придет на рассвете счастливый.

На попутке доехали до части.

– Слушай, Антон, ты классно танцуешь. Где так научился?

– Да считай что на улице. Мне было одиннадцать, когда отца не стало. Он военным был. Мы тогда только переехали из Новосибирска в Дубну. Он ушел играть в баскетбол и прямо на площадке умер – сердце. Я тогда совсем распустился: целыми днями болтался на улице, уроки прогуливал, покуривать начал и все такое. Ну и танцы. Тогда в моде был брейк. У нас на районе были рокеры и брейкеры. Рокеры – вообще отвязные: пили-курили, наркотой баловались. А мы картонки стелили на асфальт – и на них такое выделывали! Не хуже Майкла Джексона.

– А как ты в училище решил пойти?

– Да, понимаешь, мама уже не могла смотреть, как я от рук отбиваюсь, однажды прям за руку меня взяла и на бокс привела. Как я потом понял, неспроста. Тренер там классный оказался – офицер, его после Чернобыля комиссовали. Врачи сказали, жить ему осталось от силы пару лет. Семьи у него не было: говорили, он невесте что-то наплел, типа не любит больше – после такой дозы детей, сам понимаешь, заводить стремно, – ну и набрал пацанов, отребья всякого с улицы, начал нас учить. Мне стало интересно, на улицу уже не тянуло. Потом я футболом увлекся, думал в спорт пойти, а тут – вызов из училища.

– У меня тоже был классный тренер по борьбе – бывший афганец. А отец ушел, когда мне было десять.

– От чего умер?

– Не умер. Они с матерью развелись. Он уехал, а я остался с дедушкой и бабушкой.

– Ты его не видел с тех пор?

– Пока был маленький, мечтал приехать к нему в Минводы. А когда в училище поступил, много раз проезжал мимо, но все не решался сойти. И вот как-то зимой вышел из поезда и поехал к нему.

– И как?

– Да никак. Мы ходили по улицам, было холодно. Я видел, что ему в тягость эта встреча. Он был как чужой. У него новая семья. Помнишь, в школе проходили «лишнего человека» – у Пушкина, у Лермонтова. Я каждый раз думал, что лишний человек – это я. И тогда я тоже это почувствовал.

Он помолчал.

– А с мамой, представь, мы общаемся. Может быть, потому что я любил ее не так, как отца, не знаю. Но между нами нет барьера. У нее теперь своя семья, она счастлива. А твоя мама так и осталась одна?

– Нет. Через три года познакомилась с одним человеком. Оказался отличным мужиком. Тоже военный. Я его уважаю. Он стал мне как отец.

«Вот, у кого-то два отца, а у меня...» – мелькнуло в голове у Сергея.

– Пойдем ко мне, поболтаем, – предложил Антон. – Угощу тебя пирожками с капустой. Нас тут потихоньку домашней едой приручают. Я отказываюсь, а Сабит берет: дескать, чего людей обижать. Ну его-то сегодня и так накормят.

Вся холостяцкая комната была увешана плакатами. Над кроватью Антона – Майк Тайсон и Мухаммед Али. У Сабита – Синди Кроуфорд и Клаудия Шифер в купальниках. На стенной полке стояли награды.

– Это твои? – спросил Сергей.

– Да, за бокс.

– Ты настоящий универсальный солдат, не случайно похож на Дольфа Лундгрена. Я не видел, чтобы кто-то так боксировал. И вообще владел своим телом. Я бы хотел так уметь.

– А чего ты вообще в жизни хочешь? Есть у тебя цель? – Антон воткнул кипятильник в розетку.

– У нас в общежитии, в училище, жили бойцы Группы «Альфа», – начал Сергей.

– Да ну! – Антон застыл с пачкой чая в руке. – Откуда они там взялись?

– Их к нам перекинули на время осетино-ингушского конфликта. И поселили в нашу общежитию.

– Понятно.

Антон вытащил пачку рафинада.

– Иду я, значит, мимо бассейна – у нас в училище открытый бассейн был, – а там они лежат, газировку потягивают. И

рядом колыты. Прямо как кадр из голливудского фильма. А что они потом в городе вытворяли! Ментов задирали, даже погони с ними устраивали, со стрельбой. Вообще бесстрашные мужики. Вот бы к ним как-то пробиться!

– И как ты хочешь туда пробиться?

– Еще не знаю. Пока рано мне, наверное, в «Альфу». Но я не отступлю.

– Я почему спросил, Серега: я ведь тоже хочу в «Альфу». И меня уже отобрали.

– Что?! – Сергей подскочил на месте.

– Да, к нам в училище приезжали «покупатели», нас пятерых с курса отобрали.

– Из сколько?

– Из трехсот.

– Ого! Так почему ты здесь?

– Понимаешь, там нужна московская прописка. А у меня – подмосковная.

– А какая разница?

– Если ты служишь в боевом подразделении, то обязан быть в отделе через сорок пять минут после сигнала тревоги. В любое время дня и ночи. А представь, сколько я из Дубны добираться буду! На автобусе, в электричке, на метро... Я уже их упрашивал, говорю, буду у вас в спортзале на матах спать. Те смеются: «Нет, – говорят, – нельзя. А как с пропиской решишь, приходи».

– Да уж, обидно. И что ты решил?

– Буду пытаться перевестись в Москву, неважно куда. Главное – прописку получить, хоть в общежитии. И сразу в Группу. Мне мой друг писал, Данька, однокурсник мой, он уже там. Ждет меня. Вообще наших там много: из МВОКУ каждый год в «Альфу» отбирают.

ТАНКИ

НА ПЛОЩАДИ

В сентябре деда разбил третий инсульт. Шутову предоставили внеочередной отпуск на десять дней. Света поехала с ним: сказала, что будет ухаживать за дедом. Сабит принес в дорогу домашние котлеты – презент очередной пассии.

Дорога заняла почти двое суток. Сергей не находил себе места. В Туапсе поезд прибыл уже под вечер. Пока ждали пересадку, Сергей дозвонился домой – недавно к ним провели телефон. Бабушка только что вернулась из больницы. Деда перевели в общую палату, но прогнозы врачи давали осторожные.

Утром Сергей увидел деда. Тот лежал в светлой палате, на чистых простынях и смотрел в потолок. Сергей взял его за руку. Рука была непривычно тяжелая, в следах от уколов. Он приподнял подушку, чтобы дед мог лучше видеть его, но его зрачки вдруг закатились, обнажив белки глаз. Испугавшись, Сергей опустил подушку. Зрачки медленно вернулись на место.

– Сережа, – услышал он голос Светы. – Ты что, нельзя его сейчас тормошить! Ему подниматься нельзя. Я сейчас с

врачом говорила, он сказал: день-два – полный покой.

Она поглядела на деда.

– Он встанет, вот увидишь. Он у тебя сильный.

Она поправила одеяло и, наклонившись, поцеловала деда в щеку.

– Сережа, давай я сегодня ночью подежурю? А ты отдохнешь.

– Нет уж, давай дежурить вместе. Вдвоем веселее. Отдохнуть еще успею: вон сколько времени впереди – десять дней.

Он подошел к деду. Его глаза все так же смотрели в потолок, только на щеке теперь блестел влажный след, терявшийся в подушке.

– Дедушка! – он схватил его руку. – Все будет хорошо. Я тебе много хочу рассказать, поправляйся скорее. Я сейчас в военкомат, а вечером мы к тебе придем.

Дед прикрыл глаза.

Сергей со Светой вернулись после ужина. Медсестры пили чай в ординаторской, больные в холле смотрели телевизор.

Света вытащила пакет персикового сока, вставила трубочку. Дед сделал пару глотков. Губы его шевельнулись, он силился что-то сказать.

– Лежи, лежи, – забеспокоился Сергей. – Давай лучше я тебе расскажу про свои дела.

– Уколычики! – в палату вплыла полная медсестра с металлическим столиком на колесиках. Так, Шутов, вам внут-

ривенно.

Сергей уступил медсестре место. Света тоже встала, достала пакет.

– Пойду помою яблоки. Пусть все угощаются. Где тут тарелку взять? – спросила она медсестру.

– Тарелки с ужина все забрали. На тумбочку клади, она чистая.

Света вышла в коридор, но быстро вернулась.

– Сережа, там по телевизору какое-то важное сообщение. Выступает президент.

В холле уже собралась толпа, из-за спин больных выглядывали медсестры. На экране был Ельцин.

«Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является ее коренное обновление на основе принципов народовластия и конституционности. Действующая Конституция не позволяет это сделать».

В холле стояла тишина.

«...я утвердил своим указом изменения и дополнения в действующую Конституцию Российской Федерации.

В соответствии с указом президента, который уже подписан, с сегодняшнего дня прерывается осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функции Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Заседания Съезда более не созываются. Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекраща-

ются».

Сергей опешил. В училище за ответ на этот вопрос он получил пятерку: «Съезд народных депутатов Российской Федерации – высший орган государственной власти, был учрежден в соответствии с поправками к Конституции РСФСР, принятыми Верховным Советом РСФСР 29 октября 1989 года». Да, он уже давно слышал о противостоянии депутатов и президента – об этом писали в газетах, говорили в вечерних выпусках новостей. Но Сергей не придавал им значения: у него было много своих забот и политике в них не оставалось места.

«Те меры, на которые я, как президент Российской Федерации, вынужден идти, – единственный путь защиты демократии и свободы в России...»

Тон и слова президента были убедительны. Новые выборы, новый парламент. Но разве депутаты – не избранная народом власть?

«Общими силами сохраним Россию для себя, для наших детей и внуков!

Спасибо».

Выступление закончилось, и холл взорвался криками:

– Правильно, давно пора! Хватит с ними цацкаться.

– Но это же государственный переворот, как вы не понимаете!

– Да что толку от этих депутатов, одна болтовня!

– А кто страну до ручки довел? Депутаты, что ли?

Сергей взял Свету за руку и вернулся в палату. Дед смотрел на них вопросительным взглядом.

– Все в порядке, дедушка. Новости передавали. А наши новости вот какие...

* * *

На следующий день бабушка, вернувшись домой из города, с порога спросила:

– Сережа, ты новости слушал? Дела плохие. Того гляди, из отпуска тебя отзовут.

Сергей опешил.

– С чего ты взяла? Я так думаю: раз указ подписан, ничего теперь не изменишь. Будут новые выборы. Парламент этот – двухпалатный, что ли. Как в Америке.

– Э-эх ты! Под Москвой служишь, а что в Москве делается, невдомек. А то как танки опять пошлют, как в девяносто первом? И солдат? А твоя-то часть рядышком совсем.

– Да что ты, ба! У нас совсем другие войска.

– Другие! Да надо будет, любые сгодятся. Я уж и не знаю, как быть. Может, больным тебе сказаться? Пока все это успокоится? А то ведь грех-то какой, коли против народа воевать прикажут.

– Да не будет ничего такого! С чего ты взяла?

– Давеча сообщили: люди в Москве на площади выходят. Руцкой, которого отстранили, указ издал – вроде как он те-

перь вместо Ельцина. Чует мое сердце, добром это не кончится.

Сергей вспомнил, что у него где-то лежит маленький радиоприемник «Невский», который бабушка подарила, когда ему исполнилось четырнадцать. Приемник был очень похож на рацию, и в школе мальчишки то и дело просили дать его поносить – тогда они играли в разведчиков и шпионов. Ловил он прекрасно – и любимый его «Маяк», и запретный «Голос Америки», и всякие музыкальные передачи на разных языках.

Он разыскал приемник в шкафу. Выковырял распухшую, покрытую белесым налетом «Крону» и сбегал в магазин за новой батареей.

* * *

Всю неделю они со Светой навещали деда. Он пытался говорить, но получалось плохо. Каждый новый insult был тяжелее предыдущего.

О политике они не говорили. Но дед был в курсе всех новостей: их обсуждали соседи по палате. Сергей и сам теперь не отрывался от радиоприемника и телевизора, когда не сидел с дедом. События развивались стремительно. Конституционный суд признал указ № 1400 не соответствующим Конституции и служащим основанием для отрешения президента от должности. Однако силовые ведомства подчинялись

Ельцину. В здании Верховного Совета отключили электричество, воду и отопление, но большинство депутатов отказалось его покидать. На улицах нарастали волнения.

Отпуск Сергея подходил к концу, пора было возвращаться в часть. Отсиживаться «на больничном», как предлагала бабушка, он не хотел. Какой он офицер, если трудности будет переживать за бабушкиной юбкой? И как посмотрит он в глаза Антону? А вот Света должна остаться, решил он. Но она неожиданно проявила характер.

– Я одного тебя не отпущу. Если я жена офицера, то должна быть рядом с ним. – Она обняла его. – Пока я с тобой, я ничего не боюсь.

– Хорошо. Но жена офицера должна ему подчиняться, – улыбнулся Сергей.

– Конечно. А также кормить его, одевать и ласкать. Поэтому я еду с тобой.

* * *

На Курском вокзале в Москве их остановил патруль. Хмурый капитан долго всматривался в отпускное удостоверение, попросил открыть дипломат. Солдатики испуганно озирались, ежась на ветру.

– Почему выехали раньше срока? – спросил капитан.

– Боялся опоздать, – ответил Сергей. – Мало ли что, обстановка сложная.

Капитан вернул документы, отдал честь.

– Всего хорошего. Не задерживайтесь в Москве, лейтенант.

Вынырнув из метро на площади Белорусского вокзала, Шутовы наткнулись на ряды ОМОНа. Омоновцы – в касках, со щитами и с дубинками в руках – теснили толпу митингующих. Над толпой развевались красные флаги, торчал плакат «Руки прочь от Верховного Совета!». Митингующих было несколько десятков, в основном мужчины – от совсем молодых до бородатых дедков.

– Ты кто такой? – окликнул Шутова какой-то омоновец в балаклаве¹⁵. – Что, с этими захотел? Не советую. Мы с ними церемониться не будем.

Света прижалась к Сергею.

– Пойдем, Сережа! Ты же видишь, они какие.

В электричке ехали молча. На них оглядывались, о чем-то шептались. Сергей впервые почувствовал себя неуютно в военной форме. Он ощущал напряжение в каждом взгляде, в каждом повороте головы.

По шоссе навстречу поезду ползла колонна БТР. Впереди шел армейский уазик, замыкали колонну три крытых «Урала». Сергей проводил их взглядом. Неужели едут в Москву? Как в девяносто первом? Но ведь танки тогда не помогли, да и боезапаса, говорят, у них не было. И все равно погибли люди! А если сейчас им прикажут стрелять? Если мне при-

кажут стрелять в этих людей, которые на улице? Что я буду делать?

Сергей вспомнил, как несколько лет назад мучился вопросом, смог бы он выстрелить в человека. Пусть даже закоренелого преступника. Теперь вопрос стоял еще жестче: выполнит ли он приказ командира стрелять в толпу безоружных людей? «Нет, – ответил он сам себе. – Такого приказа просто не может быть. Никто из офицеров не отдаст такой приказ».

Он вдруг успокоился. Все стало на свои места. Сейчас он увидит Антона, Сабита, свой «дембельский» взвод, и все будет хорошо.

* * *

– Серега! Вернулся! Ну как добрались? Как дед?

– Здорово, Антоха! Дед – кремень. Тяжело ему, но он выкарабкается. Он мне обещал. Как тут у вас, спокойно?

– Как же! Неделию назад приказ зачитывали: типа кто против президента, того уволят нахрен¹⁶. Каждый день на разводе напоминают. Политбеседы проводят. Телевизоры в ро-

¹⁶

Речь идет об указе Б. Н. Ельцина от 23 сентября 1993 года. В нем, в частности, говорится: «Лица офицерского состава Вооруженных Сил, органов внешней разведки, федеральных органов государственной безопасности, органов внутренних дел и войск правительственной связи, публично выступающие в нарушение статьи 18 Закона РФ «Об обороне», статей 7 и 9 Закона РФ «О статусе военнослужащих» с оценками политической ситуации либо с призывами не исполнять действующие законы РФ, указы президента и постановления правительства РФ, досрочно увольняются с военной службы».

тах поотключали – вроде как антенна сломалась. А в штабе смотрят. Разговоры разные ходят. Кстати, у нас усиление, имей в виду. Выход за пределы гарнизона запрещен. В нашем магазине полки уже пустые. Мне только одеколон достался, а вот Сабит запасливый: пол-лавки успел скупить.

– Ладно, пойду начальству доложусь, вечером увидимся.

Два дня пролетели незаметно. Наступило воскресенье. Утром Шутов позанимался в спортзале, потом отправился в роту. После завтрака вместо обычного просмотра телевизора солдат согнали на политинформацию. Замполит пространно рассказывал о воинском долге и об ответственности за нарушение приказов.

После обеда Сергей вернулся в общагу, включил приемник. От услышанного его бросило в дрожь: говорили, что в Москве идут перестрелки, люди штурмуют задние мэрии, сторонникам Верховного Совета раздают оружие. Это было похоже на сон. Сергей оглянулся. Света застыла в дверях с тазиком выстиранного белья. Он выключил приемник.

– Сережа! Это все правда? На улицах стреляют?

– Я не знаю. Бред какой-то. Посмотрим вечером новости.

У соседей был переносной телевизор «Юность». На интересные фильмы к ним стекалось пол-этажа. В тот вечер намечался футбол, прямая трансляция из Волгограда. Местный «Ротор» принимал столичный «Спартак». Но в шесть часов, когда должен был начаться матч, Сергей услышал голос диктора, который зачитывал указ президента «О введении чрез-

вычайного положения в Москве». Он вбежал в комнату.

«Преступные элементы, подстрекаемые из Дома Советов, развязали вооруженные столкновения в центре Москвы. Создалась чрезвычайная обстановка. В районе Краснопресненской набережной и Арбата захватываются и поджигаются автомашины, избиваются сотрудники милиции, предпринят штурм здания московской мэрии. Боевики ведут стрельбу из автоматического оружия, организуют боевые отряды и очаги массовых беспорядков в других районах столицы России», – читал по бумажке диктор. Чрезвычайное положение вводилось с 16 часов 3 октября до 16 часов 10 октября 1993 года.

Начавшийся матч уже никого не интересовал. Офицеры высыпали на улицу, обсуждая последние события. Сергей хотел подняться к Антону, но вспомнил, что его нет: заступил сегодня дежурным.

Он шел по территории части. День выдался погожим, но солнце зашло и становилось прохладно. Со спортплощадки доносились звонкие удары по мячу: бойцы еще играли в волейбол. Из гаража выехал знакомый уазик. «За командиром отправился», – решил Сергей. Прибытие командира воскресным вечером не сулило ничего хорошего.

Сергей вернулся в общежитие. Света крутила радиоприемник.

– Котенок, а есть у нас чего-нибудь пожевать? – спросил Сергей. – Давай чайку поставим?

Он хотел как-то сбить, погасить это напряжение, от кото-

рого не мог избавиться сам. Телевизор в соседней комнате все тархтел, кто-то досматривал игру. Рев трибун в середине второго тайма возвестил, что мяч влетел в сетку ворот «Спартака». Москвичи бросились в контратаку. И вдруг звук матча стих. В комнате послышались недовольные возгласы. Шутов заглянул к соседям. На экране застыла картинка ночной Москвы. «Опять тетя Маша в студии полы моет», – услышал Сергей знакомую шутку. Но не успел он прикрыть дверь, как на экране возник диктор: «Уважаемые телезрители, в связи с вооруженной осадой телекомпания «Останкино» мы вынуждены прервать эфир...»

– Сережа, это что – война? – спросила Света.

Они давно легли спать, но так и не могли заснуть. Сергей пытался представить, что происходит там, в ночной Москве, где гремят выстрелы. Он ждал, что их часть вот-вот поднимут по тревоге и поставят им задачу. Какую? Он даже не решился это предположить.

– Не знаю, котенок. Я, кажется, совсем ничего не понимаю. Кто прав, кто виноват? На войне есть враг, его надо убить. А тут – кто враг? Тот, кто первым начал стрелять? Теперь кто его разберет?

Он прислушался. В гарнизоне было тихо.

– Вот что, офицерская жена, слушай мой приказ: давай спать!

Но сам он еще долго глядел в потолок, перебирая события последних дней. Как там дед, дома или еще в больнице? Вче-

ра он отправил бабушке письмо: сообщил, что добрались они хорошо. Он вдруг вспомнил слова деда, которые он сказал, прощаясь с ним на вокзале в день присяги: «Непростые времена наступают. Найди себе хороших друзей, с ними по жизни легче идти». Четыре года прошло с тех пор, и теперь у него есть друг, который уже не раз помог ему. И вчера после спарринга он задал Антону вопрос, который не решился бы задать другому.

– А все-таки, если будет приказ стрелять, как ты поступишь?

– Мы с тобой офицеры, а армия – не детский сад. Приказ есть приказ. Но в безоружных людей я точно промажу, хоть в упор. Вот если в нас будут стрелять, тогда другое дело.

– А если будут стрелять не они? Ты же знаешь, как в драках бывает: кто-то подначит, а потом – в кусты.

– Если честно, Серега, я не знаю. Хочу скорее в «Альфу», они – антитеррор, ясно, против кого воюют. А порядок пусть ОМОН с милицией наводят, это их работа.

* * *

Следующий день начался как обычно: подъем, зарядка, завтрак, развод. На разводе напомнили про сложную политическую обстановку, зачитали приказ по округу: сохранять бдительность, пресекать провокации. Сдав дежурство, Антон отправился спать. Но не прошло и получаса, как он под-

летел к Шутову.

– Слушай, по телевизору CNN вещает, на английском! Там такое творится! Танки в городе, бьют по Дому Советов прямой наводкой. Очереди слышны без перерыва. И на все это тут же народ смотрит – толпа народа! Милиции рядом вообще нет.

– Не может быть! Ты сам видел, как стреляют?

– Ну да, в окна бьют. Прицельно.

– Ты только Светке пока не говори, перепугается. Она и так вчера на пределе была.

Весь день по телевизору шли репортажи с места событий. Диктор объявил, что Институту Склифософского срочно требуется кровь, медикаменты и перевязочные материалы для раненых. Счет им, судя по всему, уже шел на десятки, а то и на сотни, как утверждали по CNN. «В 15.55 правительственные войска совместно с Группой «Альфа» заняли первый этаж Белого дома», – услышал Сергей в вечернем выпуске новостей. Все было кончено. Защитники Белого дома сдались. Лидеры оппозиции были арестованы. ОМОН зачищал улицы города от разрозненных очагов сопротивления.

Сергей с Антоном обсуждали произошедшее.

– Значит, все-таки привлекли «Альфу». Если не врут. Что думаешь, Антоха?

– Не знаю, Серега. Там мужики крутые, против своей чести не пойдут. Может, Даня что расскажет. Думаю, через недельку все успокоится, сможем с ним созвониться.

* * *

В следующее воскресенье Антон, вернувшись из города, заглянул к Шутовым.

– Серега, пойдешь в спортзал?

– Конечно. Сейчас переоденусь и приду.

В спортзале Сергей заметил, что друг в подавленном настроении.

– Что случилось, Антон? Ты в город ездил?

– В Москве был. С Данькой встречался, он мне рассказал, как там дело было. Им задачу поставили – штурмануть, ну, чтобы они там зачистили все внутри, сам понимаешь. А командиры по-своему переиграли: зашли, договорились, что все депутаты тихо-мирно оттуда выйдут, под свои, значит, гарантии. И что получается? С одной стороны, приказ вроде как выполнили – здание освободили, с другой – на штурм не пошли, никого там не положили, значит, выполнили не так, как задумано. Что теперь с ними дальше будет, пока непонятно. Но главное, Серега, – офицер их там погиб. Он раненого из-под обстрела вытаскивал, и его снайпер снял. Причем стреляли не из Белого дома, а с другой стороны. Походу те солдатики специально подстрелили, как приманку. Рассчитывали, наверное, что ребята побегут кровь за кровь проливать. А они не повелись. Командиры там – боги. А офицер тот, прикинь, вообще в отпуске был, сам в подразделе-

ние явился, как только новости услышал. Даня сказал, Героя России ему дали. Посмертно.

Сергей сидел на лавочке, одновременно подавленный и восхищенный. Еще одна смерть офицера – и где? На улицах Москвы, возле баррикад, от пули неизвестного снайпера! Месяц назад такое могло привидеться разве что в страшном сне. А ведь тот офицер тоже был в отпуске! Но в трудную минуту, когда другой почел бы за счастье не стоять перед выбором своего места в этом противостоянии, он, не задумываясь, пришел на помощь товарищам.

– Знаешь, Серега, неохота мне сегодня никому морду бить. Давай отложим спарринг? Я ведь тебя позвал, чтобы это рассказать.

– Конечно, Антон. Я понимаю. Да, может, при случае насчет меня спросишь? Как можно к ним попасть, а?

– Попробую узнать. Но сам понимаешь: просто так кто тебя отпустит?

МИХЕЕВ

Приближался осенний призыв. История с Рябцом и его компанией не выходила у Шутова из головы. Теперь ему предстояло командовать боевым взводом, и он не хотел добиваться уважения солдат силой кулаков. Засыпая, он часто прокручивал в голове разные варианты. И когда привезли бритых наголо салажат, план был готов.

– Моя фамилия Шутов, я ваш командир взвода, – Сергей стоял на плацу перед строем новобранцев с Урала. – Запом-

ните: пока вы тут, я ваш отец. Если у вас проблема, к кому вы идете? Вы идете ко мне. Жизнь наша будет интересна и увлекательна. Я буду с вами от подъема до отбоя. На утренней пробежке я бегу рядом. Вы отжимаетесь – я отжимаюсь вместе с вами, вы тягаете железо – я тоже тягаю, только больше. Здоровенный парень в первой шеренге недоверчиво шмыгнул носом.

– Правила у нас будут такие: сделали что-то лучше меня – подтянулись больше, пробежали быстрее, победили в рукопашке – представляю к внеочередному увольнению на весь день в город. Все понятно?

Солдатики заулыбались. Погулять по городу очень хотелось, а комвзвода на Рембо не походил.

В тот вечер Сергей впервые провел с Антоном раунд на равных. Он многому научился за этот год.

* * *

Жизнь в воинской части текла своим чередом. Шутов целыми днями пропадал в роте, а вечерами занимался в спортзале. Антон рассказал ему, какие испытания проходят в «Альфе», и Сергей тягал штангу и гири, подтягивался и отжимался, бегал стометровку и кроссы.

Его авторитет во взводе был непререкаем. Поначалу новобранцы – в основном это были крепкие ребята – отнеслись к предложению комвзвода как к подарку. Но обещан-

ное внеочередное увольнение заработать оказалось нелегко. Каждый раз худощавый молоденький лейтенант оказывался быстрее, проворнее, сильнее. Шутов намеренно не выкладывался на сто процентов, чтобы бойцам казалось, что еще немного – и они одержат верх. Это вселяло азарт, и с каждым днем их мускулы крепили. Вопросы успеваемости и дисциплины отпали сами собой. Его взвод стал лучшим на гарнизонной спартакиаде, и в будущие дембельские альбомы легли почетные грамоты за подписью командира части. Его бойцы по праву считали себя самыми крутыми – после своего командира, конечно. Так прошло полгода.

* * *

- Серега, поехали в воскресенье в Москву!
- Давай. Что делать будем?
- Я с другом хочу повидаться, с Даней, который в «Альфе» служит. Хочешь, познакомлю?
- Это который с тобой учился? Конечно!
- Данька к нам после Суворовского пришел. Два училища и оба – с отличием. Вообще он реально крутой, хотя по виду не скажешь. Ну ты сам поймешь.
- Заметано, Антоха. Я с тобой.

* * *

– Остановка «Белорусский вокзал», конечная, – раздался шипящий голос из динамика. Двери электрички раздвинулись, и народ повалил на перрон.

Сергей выбирался в Москву нечасто, и Антон на правах старожила намечал маршруты и проводил импровизированные экскурсии. В этот раз встретиться договорились в парке Горького. Погода стояла солнечная, можно было прокатиться по Москве-реке на речном трамвайчике, а заодно посмотреть на макет космического корабля «Буран», который недавно установили на набережной.

Друзья сели за столик в открытом кафе, заказали мороженое. На набережной былолюдно. Гуляли целыми семьями. У парапета дети кормили уток. Возле пристани собралась толпа в ожидании речной прогулки.

Сергей зацепился взглядом за двух спортивного вида парней, которые направлялись к их столику.

– Антоха, здорово! – крикнул худощавый курносый парень с гагаринской улыбкой.

– О, Даня, привет! – Они обнялись. – Знакомься, это Шутков Сергей из ОрджВОКУ, я тебе о нем рассказывал.

– Привет! – они пожали руки. – А это Михеев Саша, – представил Даня своего товарища. – Он этим летом МВОКУ закончил, теперь у нас обживаетея.

Второй парень выглядел старше своих лет. Футболка обтягивала крепкое тело с рельефной мускулатурой. Серые глаза смотрели спокойно и внимательно.

– А я тебя помню, – сказал он Антону. – Ты на третьем курсе на соревнованиях по боксу первое место отхватил.

– Постой, так ты ведь тоже тогда выиграл, только в полутяже, верно?

– Михеич теперь у нас в команде, – с гордостью сказал Даня. – Скоро чемпионат среди наших отделов, я на него поставил. Не забуду, как он меня в нокаут отправил на первой тренировке.

Он показал удар-двоечку.

– Ладно, букмекер, тебе какое мороженое взять?

– Холодное. Прикиньте, мой сын тут выдал: «Достань, говорит, папа мороженое из холодильника, чтоб оно расслабилось».

– Сколько ему? – спросил Сергей.

– Третий год. Только вижу его мало: сперва училище, теперь вот Группа, командировки.

– Куда? – спросил Сергей.

– Куда пошлют, – улыбнулся Даня. – Мы сами иногда только в самолете узнаем.

Михеев вернулся с мороженым.

– А тебя тоже из училища в «Альфу» отобрали? – спросил его Сергей. – Прямо вот так и предложили?

– Вообще-то я туда давно хотел. Мы с Даней почти по одной дорожке шли.

– Да, подхватил Даня, – у него отец военный – и у меня. Оба в Германии служили.

– Даня Суворовское закончил, – продолжал Михеев, – и я тоже, только он – в Минске, а я – в Киеве.

– Ты оттуда родом? – спросил Антон.

– Нет, я вырос на Алтае. Но отец считал, что Киевское училище – лучшее, поэтому мы должны учиться там.

– Вы?

– Нас трое братьев. В деревне шутили: нарожал себе командир солдат. А мы гордились тем, что мы солдаты, – улыбнулся Михеев.

* * *

– Подъем! На зарядку – стройся! – на пороге комнаты в деревенской избе стоял мужчина в спортивных штанах. Он повернул ручку радиоприемника, и в комнату хлынули звуки марша. Над детскими кроватями взлетели одеяла, в солнечных лучах заплясали пылинки. Толкаясь спросонья, трое погодков построились в шеренгу – по старшинству.

– К зарядке готовы, – доложил старший, Виктор.

– Напра-во! На разминку бегом – марш!

По будням дети занимались одни: отец уходил на работу рано. По выходным он совершал пробежку вместе с ними, принаравливаясь к короткому детскому шагу.

Летом бегали к речке, сигая с мостков в сонную студеную воду. Младший, Сашка, старался не отставать от своих братьев. Он никогда не просил их бежать помедленнее, и те, не

оглядываясь, неслись во весь опор. Только в воде Виктор, помня строгий наказ отца, старался, чтобы все держались рядом: он, как старший, отвечал за других.

– До коряги и обратно! – скомандовал он и поплыл почти бесшумно, короткими движениями выбрасывая перед собой то левую, то правую руку. Позади него худощавый Никита, как всегда, перевернулся на спину и молотил ногами, оставляя позади себя пенистый след, как торпеда. Саша старался подражать старшему брату и делал мощные гребки, пытаясь опередить Никиту, чтобы брызги не летели в лицо.

После купания бежать домой было легко. Прибегали почти сухие – оставалось вытереть голову, переодеться и почистить зубы. Мама уже ждала их на кухне к завтраку.

Два года назад, летом 75-го, семья вернулась в Союз из Германии, где служил отец. Обосновались на Алтае, но вскоре пришлось снова переезжать – из одного отдаленного села в другое – вслед за новым назначением по службе. Мальчишкам на природе нравилось. Они целыми днями носились по окрестностям, играя в войнушку: выслеживали врага, устраивали засады на деревьях и в речных зарослях и стреляли жеваной бумагой из воздушки, которую соорудили из найденного в сарае старого велосипедного насоса.

Пришла пора идти в школу, и Михеевы перебралась в столицу Алтайского края. «Мальчишки должны поступить в лучшее военное училище, а для этого нужна хорошая школа», – решил отец и перевелся в Барнаульский военкомат.

По будням он, как всегда, пропадал на работе, а в выходные тренировал сыновей.

В коридоре он соорудил турник, в комнате повесил боксерскую грушу; под кроватями прописались гантели и пудовая гиря. «Так, так, еще... двадцать... тридцать... молодец!» – доносилось из комнаты. Пацаны приседали, подтягивались, отжимались, стараясь не ударить в грязь лицом ни перед отцом, ни друг перед другом. К удивлению отца, Сашка не уступал старшим братьям ни в силе, ни в выносливости, а в упорстве, пожалуй, и превосходил их. Он с завистью смотрел, как делает уроки старший брат. Ему хотелось скорее пойти в школу. Он тайком читал его учебники и решал задачки по математике. Он научился решать их в уме и, когда пришла пора учиться, быстро справлялся со своими домашками и открывал учебники брата, которые были куда интереснее его собственных.

После восьмого класса Виктор подал документы в Киевское суворовское военное училище. Когда он прошел все испытания и был зачислен, радости отца не было предела. «Готовься, – сказал он Саше. – Через два года твоя очередь. Я в тебе уверен».

Никита к тому времени решил стать врачом, и отец не изнурял его тренировками. «Пусть занимается, – говорил он, – эта наука сложная». Но привычка бегать по утрам у него осталась.

Саша был отлично сложен, и спорт давался ему легко, осо-

бенно силовое троеборье. В пятнадцать лет он приседал с двухсоткилограммовой штангой, а от груди жал сто пятьдесят.

В 1988 году он поступил в КвСВУ, которое только что закончил его старший брат. Виктор же продолжил учебу в МВОКУ. Вскоре назначение в столицу получил и отец.

Александр у учеба давалась легко, командиры были им довольны и часто давали увольнительные в город. За год он исходил весь Крещатик, от Владимирского спуска до Бессарабского рынка, побывал в Ботаническом саду, где отыскал уголок своего любимого Алтая, посмотрел огромный Республиканский стадион, где проходили олимпийские матчи, и даже понежился на пляже в Гидропарке, прокатившись на доселе невиданном транспорте – метро.

Но на втором году службы все изменилось. Михеев и его однокурсники открыли для себя мир кино. Вернее, мир другого кино, которое не показывали на большом экране.

Пройдя бульвар Дружбы Народов, курсанты сворачивали на тихую улочку и заходили в подъезд, рядом с которым белел приклеенный листок бумаги с вытянутым указательным пальцем и трафаретной надписью «Видеосалон». Такой же опознавательный знак висел на двери в квартиру на первом этаже.

Вся огромная комната была заставлена стульями. Окна были закрыты шторами и, кажется, даже забиты фанерой изнутри. В углу стоял импортный телевизор, рядом – полу-

разобранный видеоманитофон «Электроника». Саша как-то спросил хозяина, молодого парня в вареных джинсах и яркой футболке, почему видик без крышки. «Так чинить проще», – ухмыльнулся тот. Но потом кто-то из завсегдатаев объяснил, что крышки снимают специально, чтобы при обыске, когда вырубает свет, можно было быстро вытащить кассету с запрещенным фильмом. Тогда уже вовсю крутили порно, но Михеева интересовали боевики – «Рембо», «Крепкий орешек», «Терминатор». Особенно завораживали его фильмы с рукопашкой – «Воин» и «Путь дракона» с Брюсом Ли. За вход хозяин салона брал по рублю с носа. Во время сеанса он откровенно скучал и потягивал баночное пиво, развалившись в протертом кресле у входа – единственном удобном месте в этом зале.

В училище они возвращались к ужину, а перед сном, вспоминая сцены из фильма, крючились, изображая самураев.

Скоро, уже будучи зачисленным в Московское общевоинское командное училище, Александр нашел реальных героев.

Он часто заходил в библиотеку училища. В его тумбочке всегда лежала стопка книг – в основном по воинским дисциплинам и математике.

– Мне нужен «Краткий курс математического анализа» Кудрявцева, – обратился Михеев к пожилой даме за стойкой.

– Сейчас посмотрю.

– Библиотекарьша пропала за стеллажами. Александр при-

нялся рассматривать книги, которые лежали у нее на столе. С обложки одной из них глядел человек в диковинном, как у космонавта, шлеме. «“Альфа” – сверхсекретный отряд КГБ»¹⁷, – прочитал Михеев, выгнув шею.

– А эту книгу можно взять? – спросил он, когда библиотечка наконец вернулась с толстым белым томом.

– Да, ее только что сдали. Еще не успела убрать.

Александр взял книгу в летний лагерь. А когда дочитал до последней точки, точно знал, кем хочет стать.

* * *

– Да, в детстве многие из нас хотели быть солдатами. А теперь желающих служить поубавилось. Это я заметил, когда Киевское училище заканчивал, уже тогда в стране бардак начинался. А после всех этих событий... – Михеев махнул рукой.

– Сколько же с вашего курса в «Альфу» отобрали? – спросил Сергей.

– Да всего троих. Сейчас набирают мало.

– Скажи спасибо, что подразделение не разогнали, – подхватил Даня. – А то могло быть как с «Вымпелом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.